

Алексей Свешников **Кошка
с Собакой**

Альтернативная литература

Городская
сага
для
взрослых

Алексей Н. Свешников

Кошка с Собакой

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6604152
Алексей Свешников. Кошка с Собакой: ООО «Альтернативная
литература»; Москва; 2009
ISBN 978-5-4219-0001-6*

Аннотация

Городская сага для взрослых, потрясающе остроумная повесть, с иронией и грустью описывающая жизнь и внутренний поиск молодого мужчины в современном обществе. История противостояния личности с навязанными стандартами. Тесное переплетение абсурдного и смешного, документальности и выдумки вместе с неподражаемым исполнением автора создают полное ощущение реальности происходящего и заставляют читателя чувствовать себя в эпицентре интереснейших событий.

Содержание

1. Утро	5
2. Знакомство	23
3. Новая надежда	39
4. Финляндия	54
5. Жена	78
6. Ремонт	92
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Алексей Свешников

Кошка с Собакой

В книге полностью сохранен авторский стиль

Охраняется Законом РФ «Об авторском праве и смежных правах». Воспроизведение книги любым способом, в целом или частично, без разрешения правообладателей будет преследоваться в судебном порядке.

1. Утро

Утро как всегда начинается с поиска чистых носков. Такая плата за холостяцкую свободу – ещё одного демократического завоевания современной эпохи, в моём представлении находящееся где-то между горой грязного белья и стопкой DVD с порнухой. Но все сравнения и аналогии меркнут, если вы с бодуна. И с какого! Перманентное состояние двуногой материи: емцэквadrat плюс цэдваашпятьюаш. Ходячий заряд отрицательного позитива и потенциального сблёва. В том, что не помнишь вчерашнего – благо! Ибо не стыдно. Горе всякому, кто с утра пытается расковырять свою больную черепушку в попытке восстановить хождения прошедшей ночи. Ничего интересного там стопудово нет. И надо это мне?

– Надо! – упрямо отвечает внутренний голос и поднимает меня в вертикальное положение.

Внутренний компас чётко выводит на линию «кровать – ванная» и тут же включается внутренний автопилот. Необходимо дотянуть!

Вы не пробовали чистить внутренние зубы и при этом внешне спать? Уверен, что пробовали, поэтому поймёте о чём я. Но мне на ваше понимание – насрать, голова болит что твой пиздец. То есть очень сильно. И не болит даже, а

трещит как старая покосившаяся трансформаторная будка, стоящая в забытом всеми посёлке, где-нибудь в середине европейской части нашей страны и мечтающая о веерном отключении как о конце всех мучений на этом свете...

И ещё меня нереально выворачивает от слова «внутренний»!

– Есть носки чистые? – Превозмогая головную боль, кричу в пространство.

– Опять нажрался, скотина?

Моя кошка... очень интересный человек! Она всегда находит нужные и точные слова для объяснения любой ситуации. Даже, скажу больше – всегда, как выразился классик, «зрит в корень», заглядывая в самую суть своими кошачьими глазами, бездонными, как египетская ночь. Но у меня на полемику сил нет и поэтому я хриплю последний, как мне кажется, в этой жизни раз:

– Носки.

Вложив всё, что оставалось, в этот зов о помощи, окончательно слабею, да так, что хватаюсь руками за раковину. Но поздно – бьюсь лбом о зеркало, оставляя на гладкой беспристрастной поверхности жирный отпечаток. Хорошо хоть не разбил... Фокусируюсь на своём отражении. То ли из-за жирного пятна, то ли из-за чего-то ещё, но выгляжу очень мутно. Всматриваюсь, напрягая глаза так, что начинаю бояться, как бы они не лопнули.

Наконец, в зеркале начинает проступать до боли знакомое лицо. Прекрасно понимаю, что даже если побреюсь, моложе оно не станет. И от этого почему-то грустно. Но бриться надо, на работе нужно быть в форме. Руки дрожат и во всём теле присутствует соответствующая моему состоянию расхлябанность и раскоординация. Причём на всех уровнях, от физического до умственного. Но задуманное не остановить – рискуя освоить профессию пластического хирурга, кое-как скоблю щетину. После – под душ.

Когда вылезая, на табуретке волшебным образом появляются носки и трусы. Чистые и выглаженные. Они лежат аккуратным столбиком, а сверху их заботливо прикрывает полотенце. Из кухни тянет крепким кофе.

Такой кофе может сварить только собака. Бля буду, бог есть, и у него – четыре лапы.

За столом уже более-менее начинаю соображать.

– Как я вчера?

Вопрос философский. Тем более что ответ известен заранее. Как, как? В говно, естественно!

– В говно, как же ещё.

Это собака. Говорит спокойно и торжественно, как будто читает вслух газетный заголовок. Тем более что как раз газету она перед собой и держит.

– Понятно... А в газете какие новости?

Собака отрывается от чтения и смотрит на меня поверх

газетного листа:

– Про тебя ничего.

– Ну и, слава богу!

– Рубрика «Цирроз. Первое знакомство.» за тобой зарезервирована, не расстраивайся. – Ободряет кошка.

– Какое «первое»? – Собака не согласна, – Там уже разведение белочек в домашних условиях. Про профессию скорняка не желаешь освоить или, может, таксидермиста?

– Всё, на что меня хватит – это на жилетку. Из ваших шкур. А если будете доставать, то дальше варёжек никаких реинкарнаций.

Но всё это – не по злобе. Если у вас сложилось впечатление, что в моих отношениях с ними пробежала кошка, категорически заявляю – это не так. Они переживают за меня, не хотят, чтоб я скатился в пропасть. Останавливают, когда надо и когда не надо. Приходят на помощь в нужный момент и в ненужный особенно. А что до разговоров, то, конечно, может и перегибают местами, но ведь искренне! Я же просто стараюсь не остаться в долгу.

– Кофе – зашибенный! Как ты его умудряешься делать?

– Секрет фирмы.

– А кроме шуток?

– Ты когда зёрна кофейные покупаешь в магазине – на цену смотришь?

– Нет.

– А если бы смотрел, то знал бы, что они самые дорогие.

– Так ты же мне всегда говоришь какие брать...

– Поэтому и говорю, чтоб говна не покупал...

– Ну, теперь вкратце по вчерашнему вечеру – что было? – Я начал постепенно пододвигать беседу к чёрной дыре, зияющей в моём мозгу.

– Значит так, – кошка кладёт морду на стол и, растекаясь в улыбке как масленичный блин, начинает рассказывать, – пришёл сам, и даже (!) на своих двоих.

– Ура!

Я очень искренне обрадовался, как пионер, которому сообщили, что он принёс больше всех макулатуры.

– Но сразу же упал.

Чёрт, это уже хуже. Я потрогал нос – вроде, не болит.

– Не рожей, а бочком, вдоль косячка.

– Какого косячка? – подозрительно спрашиваю.

– Дверного.

– И всё?

– Ну как же всё? Карту Европы заблевал, что в коридоре на стенке висела, чем-то тебе страны Бенилюкса не угодили особенно. А теперь начинается самое интересное. Штаны в студию!

Кошка изображает лапами барабанную дробь, а собака извлекает из корзины с грязным бельём штаны, брезгливо отворачиваясь. Пропадают в них драматические актёры...

Смотрю на штаны, в том месте, где ширинка, всё подозри-

тельно испачкано.

– Что это? – осторожно спрашиваю.

– Штаны... – выдерживает паузу кошка, а у самой от удовольствия аж глаза щурятся.

Медленно считаю до одного и спрашиваю ещё раз:

– Вижу, что не костюм химзащиты, что за инородная палитра? – и пальцем показываю, для верности.

– Это не палитра, а помада, Кустодиев ты наш.

– Ну, помада – это очень даже ещё ничего. – Пытаюсь оправдываться.

Сам же думаю – ну и хорош же я вчера был! И ведь не помню ни херища! Как Шилов.

– Тётю с собой приволок? – пытаюсь всё же добиться более конкретной информации.

– С собой, с собой... Между прочим, где ты её нашел?

– Не помню, – честно признался я. – Может, сама прибилась...

Мохнатые начинают ржать.

– Ладно, хватит, где она? В смысле, тётя.

– Ушла, что ей с тобой делать? Тирольский храп выслушивать или песни? – продолжая хохотать, отвечает собака.

– Песни?

Они проигнорировали мой вопрос.

– Но сначала, как честная женщина, она, конечно, сделала всё, что могла, – и кошка, тыкая лапой в штаны, загоготала ещё больше.

– Баста! Больше не намерен выслушивать ваше издевательство.

Я быстро (насколько позволял внутренний гироскоп) оделся.

– За руль не садись! – напутствует собака.

– Кто сказал, что у меня руль? У меня штурвал!

И захлопнул дверь.

И нос к носу столкнулся с соседкой. Вроде Мариной зовут. Замужем. Опять же по неподтверждённым данным.

– Привет! – Марина очень симпатичная, даже с бодуна. С бодуна, естественно – я.

– Здравστε... – я на всякий случай отвечаю осторожно, мало ли она вчера видела меня. Дышать тоже стараюсь куда-то в бок и вверх.

– Не вы вчера песни пели ночью?

– Вряд ли, – ни хуя себе! Думаю. – У меня слуха нет.

– Да? – Марина очень недоверчиво смотрит. – Как раз это мне и запомнилось...

Конфуз, однако... Что же я мог петь?

– А что за песня была?

– «Вставай проклятьем клеймённый.»

– Я даже слов таких не знаю, может, телевизор у кого-нибудь? Или соседи из семьдесят третьей?

Соседи эти, кстати, могут меня спасти. Племя синегалов в резервации, корпункт агентства Синьхуа. У Марины с ними

стена общая, а мне повезло.

Но ей, видимо, не повезло ещё и со мной:

– Может, конечно, и соседи, но только, если вы их к себе в гости приглашали.

– Это исключено, у меня высокие моральные и этические устои.

– Может вчера они пошатнулись?

– Устои? – уточнил я и сам немного пошатнулся, как вчерашний устой. А если и дальше продолжить эту игру в слова, то как раз «устоя» вчера и не было, был «упадок». И какой упадок! Полное падение индексов. Обвал! По всем роутерам. Насдаки, Никкеи, Доу Джонсоны – все поросли медным тазом.

– Ну, не знаю, что там у вас ещё шатается, мы про устои разговариваем... Марина очень кстати прервала мой поток сознания – меня уже начинало уносить.

– Всё под полным и абсолютным контролем. Даже больше скажу, – я доверительно понизил голос, – никаких отклонений от генеральной линии!

– Ну-ну. – И она пошла к лифту.

Неудобно получилось с Мариной. Выходит это я ещё и хороводы водил. Как же так я в таком отрубоне-то оказался? И ведь не первый раз, наверное, у меня такие залёты. Как теперь с ней разговаривать на общие темы после такого? Надо срочно исправлять положение! Как гласит старая китайская пословица – «выбирай не дом, а соседей». Раз, получается,

соседи у меня уже есть, то хотя бы надо, чтоб отношения были человечьи...

Чтоб не дышать на неё перегаром, пошёл по лестнице. Очень высоко я живу – внезапно до меня дошло. Давление поднялось, а я ещё и кофе пил. Не подвёл бы мотор.

На улице посмотрел Марине вслед, сквозь кусты. Надо будет как-нибудь извиниться. Песню может ей заказать?.. На радио?..

На машине я, естественно, не поехал – поймал тачку. Стёкла запотели сразу.

– Употребляли? – с завистью спросил водитель, мужичонка лет сорока в ядрёных очках.

– Было. – Я не хотел развивать эту тему. Не выходил из головы мой внезапно проснувшийся вокальный дар. Да и воспоминания об алкоголе вызывали желудочные судороги.

– Эх, – водила сглотнул слюни, – А я уже десять лет не пью.

– Что так? – зачем-то спросил я.

– Завязал!

– Совсем что ли? – я не поверил.

– Ни капли! Раньше, конечно, пил будте-нате! А потом решил, что хватит, здоровье – одно.

– Поступок! А я вот пока не созрел.

– Не дай бог прижмёт эт самое, – он похлопал себя слева по ребрам, имея в виду сердце. – Сразу созреете.

– Лучше без напоминаний со стороны организма.

– Это точно! Но у нас ведь как? Пока гром не грянет...

Верно же говорят: В России неожиданно наступила зима. Это ж менталитет, тут не попрёшь – гены! У нас либо кнут в виде палки, либо полный развал в виде перестройки. Нет середины! Откуда у нас слово «экватор»-то в языке? Случайно занесли, наверное, как заразу какую...

На такой неожиданной философской ноте мы приехали.

На работе меня сразу атаковали со всех сторон. В порту зависли документы на пять контейнеров, фуры под погрузку не приехали, не вышла уборщица, кто-то опять смотрел порнуху через инет. Я молча прошёл в кабинет и сделал вид, что изучаю почту.

Когда дурнота унялась, предпринял попытку работы. С порнухой всё было просто – её смотрел я. С уборщицей тоже не проблема, срать меньше надо. С машинами уже хуже. Какой-то пидарас в Москве так составил договор, что теперь клиент имеет право ебать нас за любое отклонение в графике. Скорее всего, за такие выдающиеся логистические успехи московский мудака получил хуеву гору бонусных конфет и пряников, с чем я его, конечно же, от души поздравляю, при случае, если когда-нибудь до него доберусь. И с тех пор попытки перефутболить счета превращаются в извечный геморрой с переменным успехом. Везде работают жадные и умные люди. Спасает только хорошее отношение с мо-

им «визави» у клиента. Собственно, с ним я вчера и начал нажираться. Снимаю трубку:

– Виктора Георгиевича, пожалуйста.

– Соединяю.

О-о-очень долгая пауза и опять женский голос:

– А кто его спрашивает? У него сейчас совещание.

– Алексей Николаевич его спрашивает, у которого тоже сейчас совещание.

– Хорошо, попробую ещё раз. Не вешайте трубку.

Наконец, слышу Витькин голос.

– Да?

– «Ну, здравствуй, Афанасий, здравствуй, голубчик».

– «Проверка – она всем проверка».

– На дорогах... Как состояние?

– Чувствую возраст.

– У нас тут полное биде, не успеваем тебя отгрузить.

– Что такое?

– Динамят транспортники.

– На всех направлениях?

– Воронеж – хуй догонишь – в смысле сломался прям у нас на территории, – начал я придумывать сходу, – На далёкий город Апатиты, замена нужна – протекает контейнер.

– А какой объём там?

– Двадцатка...

– А по остальному чего?

– Остальное, в принципе, не особо критично. Но с этими

двумя однозначно не успеем.

– Хуёво, что «железка» подвиснет... Воронеж подождёт.

– Давай я с Гепатитами напрягусь, как герой олимпиады, а Воронеж мы табаним?

– Идёт...

Разобравшись с делами, перехожу к наболевшему:

– Опохмелился уже?

– Ага, у меня на работе есть НЗ, да и секретарша – лапочка.

– Везёт. Мы вчера на какой ноте расстались?

– До диез – ты «с», а я «без». С Клавой какой-то ты усвистал, не помнишь?

– Не-а. Досадная потеря памяти. Ладно, давай, если что изменится – позвоню.

С контейнером у меня был запасной вариант, его я и использовал, а Воронеж в который раз был отодвинут на завтра. К обеду всё пришло в свою норму, и я стал засыпать. Так и промаялся до вечера. По дороге домой зарулил в магазин. Продуктовая корзина – коньяк и сосиски. Засмотрелся на тётку за кассой – очень неплохая кассирша работает, когда-нибудь я до неё доберусь.

Дома уже порядок, всё постирано, поглажено, убрано. От вчерашнего беспредела и следа не осталось. Я удовлетворённо пофтыкал на такую благодать.

– Как дела? – кричу с порога.

- В Багдаде всё спокойно. Зло перевезли в Гуантанамо.
Чую сосиски? – отзывается собака.
- Верно. Нюх старого охотника всё также тонок.
- Это кто у нас «старый»? Сам-то уже как пескоструйный аппарат.
- А я ещё и коньяк чую, – язвит кошка.
- Коньяк – это святое, «ром – молоко солдата».
- Как на работе?
- «У Манохина трубы лопнули», как может быть на работе? Тяжело.
- Опохмелялся?
- Не, я не умею.
- Значит, ещё не всё потеряно! Разум пытается сделать из тебя гомо-сапиенса.
- Вот только «гомо» не надо!
- Это латынь!
- Я только «по-французски» понимаю.
- Штаны, кстати, плохо отстирались, полиглот.
- Хуй с ними, новые куплю.
- Ты без нас и кольцо парашютное не дёрнешь, а с тобой в примерочную мы не пойдём.
- Без сопливых обойдусь.
- Без сопливых-то, может, и обойдёшься, а вот без нас тебе на ногах точно не устоять!
- Всё время забываю, что вы на четырёх по жизни...
- Ну ты тоже на двух не всегда...

– Вчера особенно... – заржала кошка.

– Хватит уже стыдить! Я морально самоуничтожался на работе почти девять часов. Проводил внутренние духовные изыскания с пользой для общего дела, между прочим! Удвоявал ВВП, невзирая на лица. Разрешал потенциальные конфликты и искал выход из затруднительных ситуаций.

– И в чём польза от твоих Достоевских самокопаний?

– Как в чём? Осознал... Встал на путь исправления. Впредь обязуюсь и так далее...

– Ты-то?

– Я-то!

– Нам только не заливай. Проходили уже твою морально-этическую перестройку не раз.

– «Перестройка» для меня синоним слова «предательство», – я вспомнил сегодняшнего очкастого водителя, – И не только для меня кстати.

– Сейчас не об этом... И что за манера всё в одну кучу смешивать?

– Это он из-за нецелостности натуры, – объясняет собака. – Да и после таких жертвоприношений Бахусу трудно вато держать какую-то одну линию рассуждения. «Ментальный тремор», как я это называю.

– И это всё я выслушиваю в своём доме! – я театрально воздел руки к небу.

– И актёришка так себе, – добила, оглядев меня, кошка, – хуёвенький...

Наконец я добрался до кухни. Достал из холодильника кастрюлю макарон, я всегда варю макарон побольше, чтоб хватило на неделю. Очень удобно. Идею позаимствовал у художников Митьков. Только у них зельц был с хлебом, да ещё и на целый месяц, а я решил на макаронах остановиться. Чтоб за копирайт не платить. С удовольствием поужинал макаронами с сосисками да под коньячок. Естественно, вместе с животными. Те прутся от этих сосисок со страшной силой. Макароны тоже едят, но без фанатизма. Как говорит кошка – «чисто для углеводов». Уже после чая меня окончательно отпустило, и я обрёл кондиции нормального человека. Теперь можно и ящик зазырить.

Вечерний просмотр телевизора обычно начинается с дебатов. Дело в том, что у нас разные вкусы. Кошка любит футбол, собака обучающие каналы, я телик ваще не смотрю. А вместе они любят передачи про рыбалку. Этой рыбалкой они меня заёбывают до фиолетового заикания. Информация о том, что плотва лучше клюёт после того как пять пьяных рыбаков поссут с лодки за борт, меня абсолютно не цепляет. Да и к ловле жереха нахлыстом я тоже равнодушен. Эти же спорят до усёру, даже несколько раз порывались позвонить на передачу с целью внести коррективы, явить, так сказать, миру своё видение данного вопроса. По-моему, тогда речь шла об окуне, или краснопёрке?

В этот раз почему-то все воткнулись в новости. Посмотришь – всё заебись. На улицу выйдешь – хуй знает, где они снимают свои репортажи... Мы как раз на сюжет про взятки попали, кто-то кому-то какие-то деньги даёт, его потом хватают, он эти деньги съесть пытается. Долбоебизм. Я, когда такие вещи (про взятки) смотрю, один вопрос себе задаю:

Где, блядь, эти люди?! Почему мне никто никаких взяток не даёт?

Хотя есть такое поверье, что если тебе начали взятки давать, то, значит, бабы давать перестали. А к этому вопросу я очень чувствительно подхожу.

– Футбола нет? – осторожно спрашиваю.

– Через час «Мясо» с «Конями». – Кошка от нетерпения даже хвостом заколотила по полу.

– За кого болеешь?

– За Питер болеем, – с лёгким упрёком отвечает кошка и объясняет тут же. – То есть за ничью и за жёлтые карточки.

– А за красные-то чего ж не болеем? – язвительно спрашиваю.

– Вслух не говорю, чтоб не спугнуть. Фарт – это дело такое...

– А ты как, тоже будешь смотреть? – к собаке обращаюсь.

– Посмотрю, матч – больно важный.

– Сговорились?

– Почему сразу во всём надо искать заговор? Это вам надо, батенька, к психиатру!

– Вы доведёте!

– Если бы не мы, то ты бы уже давно там был.

– Ни фига подобного, я чертей по квартире ни разу не гонял!

– Это вопрос времени, а на данный момент основную нагрузку по терапии несём мы. Мы – тот самый сдерживающий фактор, заставляющий балансировать на краю бездонной пропасти.

– Ну, чего уж сдерживать? Толкайте... Как Садко – пня под жопу и за борт. Гусли только не забудьте дать с собой и самоучитель.

– Жить негде будет, а мы привыкли к хорошему. К теплу домашнего очага, так сказать.

– А ко мне, значит, не привыкли?

– Ну куда мы без тебя?

У меня потеплело на сердце. Понятно, что, конечно же это просто трёп, но всё равно приятно, даже такому асоциальному типу, как я.

Подумал о подруге, от которой осталась только помада на штанах:

– Тётя-то хоть не страшная была?

– Как обычно.

– А какие обычно?

Кошка состроила гримасу, мол, ну и дела, с кем приходится жить.

– Каков поп таков и приход!

– Вижу, от вас ничего не добьёшься, пойду я спать, телик только убавьте, чтоб не орал.

– Перед сном не споёшь?

Ну что про них сказать?... Это не звери – это сволочи!

2. Знакомство

Как же всё это началось? Попробую вспомнить. И главная трудность тут не в плохой памяти, а в том, что в то время я очень много сил отдавал борьбе с «зелёным змием». Битвы были тяжелые, в основном, оборонительного характера. Естественно силы противника превосходили мои. Приходилось отступать. Иногда отползать. Все даты и события спутались. Осталось только общее ощущение происходившего. Было – и всё! А когда конкретно, при каких обстоятельствах... Деталей я и не помню. Даже год точно назвать не смогу! Ну, ничего, главное ведь, как говорят японцы с китайцами, не цель, а путь. Готовы? Тогда начнём.

Так получилось, что была ранняя осень и по совместительству – день рождения одного моего старого друга. Отмечали мы его с размахом, по полной программе – с рестораном, сауной и блядьми на сладкое. Когда вся компания (включая и меня) уже конкретно набралась, я решил прогуляться по району. Дело было в центре, буквально в нескольких кварталах от дома, в котором прошло моё детство. Я резко проникся воспоминаниями. По «синей клавише» меня частенько пробивает на ностальгию. И чем старше становлюсь, тем сильнее это чувство.

Описать моё состояние можно, используя литературный

штамп «вечерний город околдовал меня» (в кавычки взял, потому что этот оборот, наверняка, использовали раз пятьсот, хотя кто и где не помню).

Я долго бродил по маленьким улочкам, два раза доблестные сотрудники милиции проверяли у меня документы. По моему, это был один и тот же экипаж. В одном дворике мне, наконец, «приспичило». Найдя подходящее место, я забурился между гаражами. Отлив, я понял, что хмель стал спадать. Пора было возвращаться к товарищам. Проходя мимо какого-то подвала, услышал чей-то разговор. Что меня остановило? Любопытство? Наверное. Я притормозил и услышал примерно следующее:

– Не, я бы тем, кто придумал сосиски в полиэтилен заворачивать, – яйца под трамвай! – гневный обличительный голос.

– А с чего такая уверенность, что это именно мужская идея была? – флегматичный вопрос, заданный для начала словесного пинг-понга, с целью убить время, выдающий философский способ мышления.

– Пол не важен, главное – возмездие. Если нет этих самых яиц, то всё равно можно чего-нибудь придумать! Но чьи-нибудь яйца всё равно под трамвай.

– Ладно, соглашусь, с сосисками люди, конечно, много чего не учли. Опошлили идею.

– Во-во, бывало, с голодухи роешься в помойке, и такое откапываешь!!! И вроде пахнет, и сожрать нельзя! Ну не

блядство?

– Согласна...

Вдоль стены крался подозрительного вида кошка, с явной целью попасть в тот же подвал, из которого раздавались голоса. Разбитое окошко было одно, и я стоял как раз рядом с ним. Кошка посмотрел на меня, видимо, прикидывая различные варианты развития событий, наконец, почувствовав, что угрозы я не представляю, быстро юркнул в дырку. И тут же я услышал:

– Эй! А ну пошёл отсюда!

И тут в подвале кто-то гавкнул. И это был самый настоящий «собачий» лай. Кошка пулей вылетел на улицу и пустился наутёк. Через несколько секунд из разбитого окна высунулась кошачья морда и, не замечая меня (я стоял с другой стороны), прокричала ему вслед:

– Ещё раз появишься, будешь забит на жертвенном камне имени Кецааткоатля!

И кошка, дико заржав, добавила:

– Ну мудачьё! Позорят ДНК.

И также быстро, не заметив меня, убралась обратно в подвал.

Я стоял в крайнем удивлении, мобилизовав свою нервную систему в железобетонный монолит. С одной стороны, я был всё ещё пьян. Я это знал твёрдо. Но я также знал (как может знать только действительно пьяный человек), что пьян я НЕНАСТОЛЬКО, чтоб ловить такие глюки. К тому же черти

ко мне ни разу ещё не приходили. Может быть, вот так и бывает в первый раз? Наверное взрослою ещё. Или уже старею?

Пока стоял и соображал, из подвала продолжали доноситься какие-то голоса, разобрать я ничего не мог, но там явно о чём-то спорили. Наконец, вполне отчётливо я услышал.

– Надо к зиме что-то потеплее искать, а то здесь можем лапы отморозить...

– Помнишь тот подвал на Чайковского? Во были апартаменты!

– Да, – восторженно протянул голос, судя по всему принадлежащий кошке. – Пять звёзд!

– Если бы не эти предприниматели чёртовы... Все путные места под магазины да бары позанимали!

– Не говори! Коммерция – главный наш враг. Раньше и еды больше выбрасывали. Теперь на эти крохи ещё и бомжи своей ордой набегают. Помнишь драку? Возле Мальцевского рынка? Нашему брату почти вообще ничего не остаётся.

– Ну, нам ещё грех жаловаться. Мы-то хоть можем придумать чего, а простые четвероногие?

– Я считаю, что бездомным животным необходима социальная защита.

– Ну, давай, ещё партию организуй или лигу говорящих меньшинств. Тебя сразу в институт, на научные эксперименты, и пиши пропало. Будут в голову электроды вживлять. Током хуярить с нечеловеческим упорством, но зато во имя науки. А потом, вместо большого человеческого «спасибо»,

может, памятник поставят, чтоб голубям было где срать...

– В голову – ещё ладно, главное, чтоб не в жопу. Хотя, конечно, смотря как кормить будут.

– Ты это брось!

– Да, я так, прикололась, типа...

– А знаешь анекдот про Змея Горыныча? Старый, правда, боянистый...

– Ну?

– Две головы меж собой базарят, пока третья спит:

«– Слышала, говорят, третья голова, пока мы спим, в рот берёт?»

– В рот ладно, главное, чтоб в жопу не давала!»

Раздался дружный хохот. Я тоже не вытерпел и заржал. В подвале тут же отреагировали:

– Это кто там ещё? – голос спросил почти шёпотом.

Я не вытерпел и, присев на корточки, спросил в темноту:

– Слушайте, это у меня «белочка», или всё наяву?

Мне очень долго не отвечали, но я слышал, что какое-то шушуканье имеет место быть. Наконец, моё терпение было вознаграждено:

– Сам ты – «белочка»! Кошек что ли живых не видел?

– Хм, – я почему-то сразу отнёсся ко всему этому сюрреализму, как к само собой разумеющемуся явлению, как будто я на выставке Сальвадора Дали. – Живых-то видел, а вот чтоб ещё и говорящих... Давайте, вылезайте, чёрт с вами. Куплю вам нормальных сосисок.

– Не врешь?

Что было ответить в такой нелепой ситуации?

– Бля буду!

Первым я увидел кошку. Она была отощавшей, подранной, как броненосец, вышедший из неравного боя, но всё равно, гордо несущая свой хвост – как дым из трубы. Да и цвет сильно смахивал на шаровую краску. По всем статьям выходил реально корабельный кошак!

Собака вылезла следом. Размером она была побольше эрдельтерьера, масти – тёмно-рыжей, с небольшими светлыми пятнами, оказавшимися, как выяснилось впоследствии, обычным авитаминозом и окончательно пропавшими за полгода. Держалась она солидно, но с некоторым недоверием, которое сразу читалось по глазам.

Я внимательно посмотрел на них и, чтоб ещё раз удостовериться, попросил:

– А ну-ка, пизданите чего-нибудь по-нашему!

– Про жабу говорящую знаешь анекдот? – сразу среагировала кошка.

Анекдот я знал, идею её подъёбки понял.

– Вам сюда подать обед?

– Не, с тобой пойдём, а то ещё какого-нибудь говна соевого купишь...

– Тогда вот что, при других ума хватит рты не раскрывать?

– А если припрёт? – вопросом на вопрос ответила собака.

– А если припрёт, то уж старайтесь на своих языках вы-

ражать эмоции.

– На каких это, своих? – продолжала явно стебаться кошка.

– Ну как там у вас: мяу-мяу, гав-гав, разберётесь, в общем. Тут они заржали и долго, минуты две, не могли успокоиться. Я тоже рассмеялся над идиотизмом ситуации. Наконец, поостыв, мы двинулись в сторону, предложенную зверьём. Там находился магазин, где продавались, по их заверению, самые качественные сосиски в районе.

– А откуда про Кецаткоатля знания? – как бы между прочим, я задал мучавший меня вопрос.

– Слышала от собаки.

Я удивлённо посмотрел на неё. Та гордо кивнула, мол, знай наших!

«Похоже, тут лучше ничему не удивляться», – решил я. На выходе из двора, в арке, мне быстро объяснили чем сосиски, которые «лучше», отличаются от тех, которые «хуже». По улице мы бодро маршировали организованным гуськом. Замыкала кошка. Конечно, было бы разумнее нести её на руках, но меня сразу предупредили, что блох у неё на всю футбольную команду «Зенит» хватит. «Ну, этим-то, как раз блохи и не помешали бы. Может побыстрее тогда забегали бы» – подумал я. Дойдя до магазина, прикинул, что заходить всей честной компанией нельзя.

– Подождите здесь, я быстро, – пообещал я.

– Гав, – чётко выговаривая каждую букву, ответила кошка.

ка.

– Мяс, – поддержала её собака.

Слава Богу, дверной трафик отсутствовал, или, говоря по-русски, никто не входил и не выходил в этот момент из магазина!

Внутри очереди не было. Одна, непонятно что делавшая в столь поздний час, бабка – разве очередь? Но я ошибался. Сначала она долго сдавала пустую посуду. От нечего делать я даже пересчитал количество бутылок, обратив внимание, что люди больше пьют пива, чем водки. Впрочем, хорошенько подумав, понял, что в этом нет ничего удивительного. Водка – напиток серьезных людей. От размышлений над логическими нестыковками меня спасла бабка – стала затариваться харчами. Тут всё и началось. Продавец, какой-то студент, тоже не особо торопился. На пару с бабкой они представляли уникальный тандем, в котором один постоянно тормозил, а другая не догоняла.

– Ты мне не той ли колбасы вешаешь, что в прошлый раз?

– Что попросили, то и вешаю.

– Ну, а ты не помнишь?

– Я, что, должен всех помнить?

– Я вчера у тебя покупала, забыл? – по тону, бабка больше убеждала, чем спрашивала.

– Я вчера не работал. – Флегматично отвечал студент.

– Как не работал? – бабка встала в лёгкий ступор. – А когда же я тогда покупала-то?

– Бабушка, вы не торопитесь? – Встрял я, не выдержав всей этой канители.

– Нет, – был её мне ответ.

Она произнесла это «нет» таким искренним тоном, что я понял, бабка – обычная съехавшая с катушек старушка.

– Студент, давай ты тогда резвее работай. – Вполне, как мне показалось, вежливо попросил я.

– Как платят, так и работаю. – Без всяких эмоций отвечал продавец. Я начал медленно закипать и, чтоб отвлечься, представил, как в оставленной мной сауне веселятся кореша. Почему-то это возымело совсем противоположный эффект, и я стал лихорадочно пытаться успокоиться, твердя про себя: «Я спокоен, я абсолютно, блядь, спокоен, я спокоен как, ебаный в рот, хуй знает кто».

– Не... Это много, это мне тогда ещё и на завтра хватит. – Продолжала меж тем бабка, покупавшая двести грамм какой-то дешёвой колбасы. Тут мне стало неловко, я сжал зубы и решил дождаться своей очереди, не прибегая к физическому насилию. Хотя за грубость студенту, конечно, стоило дать в ухо...

Это были пятнадцать минут кошмара. Когда, наконец, бабка удалилась, за мной стояло уже пять человек. У всех пятерых горели трубы, и каждый проводил старушку крепким выражением, но та и бровью не повела, оставаясь абсолютно безучастной. Я был несколько удивлён, ожидая какой-то реакции с её стороны, но сообразил, что люди, стоящие за

мной, поставщики пустой посуды. Налицо замкнутая экологическая система.

– Сосисок мне, вот тех, два килограмма.

Продавец медленно, рассматривая чуть ли ни каждую сосиску, как будто мысленно с ними прощаясь, отпустил мне товар. Из очереди не вытерпели:

– Да не еби ты мозги, не пизду рассматриваешь!

Я дал студенту денег, получилось очень удачно – без сдачи, и быстро вышел наружу.

Ни собаки, ни кошки...

«Может, всё-таки белка?»

Я растерянно стоял посреди тротуара. Выскочивший почти сразу же за мной мужичонка, прятал в карман бутылку водки. Заметив мой потерянный вид, интерпретировал его по-своему, спросив меня:

– Менты что ль где?

– Да нет, забыл куда шёл.

– А-а-а! – уважительно протянул он, сразу приняв меня за «своего», что в принципе было не лишено правды. – Ну давай, вспоминай. Если что, мы у Натахи киряем. Потом, задумавшись на секунду, сообщил:

– Надо было две брать! Ну да и хуй с ним, ещё раз сбегаю.

И он стал удаляться быстрым шагом. Я обратил внимание на странность его походки – метров десять он шёл довольно прямо, а потом вдруг резко уходил на метр-полтора в какую-либо сторону, после чего опять ложился на преж-

ний курс и двигался строго по прямой. Это было похоже на то, как боевой самолёт выполняет противоракетный маневр. Почему-то я пошёл за ним, взяв направление на маячивший невдалеке скверик. Тем более, что там, среди кустов, вроде как промелькнула какая-то собаченция. Уже на полпути я узнал свою новую знакомую. «Значит, не белка». – Обрадовался я.

– Ну, тебя только за смертью посылать! – оглядываясь по сторонам, сказала кошка.

– Все респекты бабушке и продавцу. – Честно сдал винюватых я.

– Старушка-норушка. – Уточнила собака.

– Норушка?

– Да вечно на помойке таких ходов нароет... Как крот. Ландшафт после неё меняется, как после бомбёжки.

– Ну, бывает.

Я вспомнил старушечьи двести грамм колбасы и не стал развивать тему.

– Кому сколько? – Я обратился к обоим сразу.

– А ты что, боишься, что тебе не хватит?

– Да вроде как сыт...

– Кто сыт, в кустах не ссыт, – схохмила кошка. – Давай, сам попробуй тоже, поймёшь, что такое настоящие сосиски!

– Ешь обязательно с кожурой! – Напутствовала собака.

– Она ж грязная, наверняка, её не пойми кто трогал!

– Это самое первое заблуждение, – уже жуя, стала мне

объяснять кошка. – Делать больше всем нехер, как чужие сосиски трогать.

Получилось двусмысленно, и мы все заготовали.

– Атас, кто-то слева на десять часов, – предупредила собака.

Кошка успела быстро обнюхать несколько сосисок и шепнула:

– В этой гирлянде четвертую можно смело есть, первые три людям лучше не надо.

– Неужели так всё плохо?

– Да нет, не плохо, но их как раз потрогали от души – понос обеспечен, – и как бы извиняясь, кошка закончила. – Бывает такое, даже с хорошими сосисками...

Я послушно откусил от прошедшей «госприёмку» сосиски солидный кусок. И вправду вкусно! Тем временем, даже я услышал приближающиеся голоса. Не спал райончик!

Из кустов, быстро, используя элемент внезапности, выскочили милиционеры. С разных сторон – прямо как группа захвата.

– Распиваем?

«По-моему, я их уже в третий раз сегодня встречаю», – прикинул я.

– Да нет, решил покормить животных, – как можно более дружелюбным тоном начал я.

– А-а-а, гражданин. – Разочарованно протянул первый милиционер.

(Для удобства я их так и буду называть: первый, второй и третий.) По его тону я понял, что не ошибся. Встречались уже сегодня.

– Сосиски? – спросил второй.

– Они самые, вкусные очень, – откровенно признался я.

– Дайте-ка попробовать, а то мы чего-то сегодня ещё не жрали, – довольно нагло попросил третий.

– А вот держите, я как раз отсюда брал, тут аккурат три штуки осталось.

Я протянул им своеобразный мясной «тройной цеп» – оружие китайских боевиков.

Те быстро поделили сосиски между собой и проглотили их в момент, как чайки.

– Спасибо, счастливо отдыхать, – поблагодарив меня, менты так же быстро пропали, как и появились.

Глядя им вслед, в просвет между листьями, я увидел, как по другой стороне улицы, явно в направлении магазина, шёл уже виденный мной «синяк». Тот самый, который «кирчал у Натахи». Не иначе послали за добавкой. Да... Надо было ему две брать!

– Ну, эти своего не упустят! – ехидно прошипела кошка.

– И поделом! Пускай теперь дрищут, – успокоила мою совесть собака. – Халява – вот где у них слабое место: всегда старайся найти слабое место в людях!

Меж тем с улицы донеслись обрывки разговора на повышенных тонах. Я высмотрел в листве щель, через которую

начал наблюдать, как незадачливого гонца грузят в козелок.

– Да у Натахи я! – кричал он. – Пустите, паскуды, там ведь люди ждут!

– Давай, не бузи, а то сам знаешь...

«Вполне миролюбивые менты», – подумал я. – «Хотя бывает, что и не на таких нарвёшься!»

– Чё за Натаха-то? – спросил я у собаки.

– Да есть тут одна, королева, блин, бензоколонки...

– Ну и как?

– Гопница, – резюмировала кошка.

Мы посидели молча. Мне вдруг показалось, что я всю жизнь запросто мог разговаривать с животными. Как Данди Крокодил. Не хотелось, чтоб они, вот так волшебным образом появившись, вдруг пропали из моей жизни. Те, явно чувствуя мои мысли, тоже не торопились уходить.

– А живёшь где?

– На «комендани»... А вы, в том подвале?

– Пока там, но надо к зиме на другую хавиру перебираться – в этой холодно будет.

– Тяжеловато на улице?

– А ты попробуй, тогда не будешь глупости спрашивать!

– Да я не хотел обидеть вас, понятно, что житуха – не сахар.

– Не сахар, – вздохнула собака.

– Знаете, давайте ко мне.

– А не боишься последствий? Мы же не какие-то там лес-

си с барсиком.

– Да уж, вижу, – усмехнулся я.

– Ну тогда, – кошка взглянула на собаку, та кивнула. – Вот что:

– С кормёжкой без «динами», пожалуйста, – попросила собака вежливым тоном.

– Ну, тогда будете хозяйство вести, – пошутил я.

– Не женат что ли?

– Официально нет, периодически тётки разные появляются, но чего-то не задерживаются...

– Поддаёшь, наверное, исправно?

– Бывает...

Животные посмотрели друг на друга. Быстро чего-то решили на каком-то астральном уровне.

– Заебок! Считаю, что мы в команде! – наконец вынесла окончательное решение кошка.

Пока добирались до дома, я успел вздремнуть в машине. Везти такой зоосад долго никто не хотел. Наконец, нашёлся один, но цену заломил будьте-нате!

Делать нечего, не пешком же идти. У меня тем более с отходняка жбан начинал трещать. Лучше в это время дома находиться, а не где-нибудь в ебенях.

– Смотрите, чтоб собака слюнями велюр не испачкала, – хамовато заявил водитель.

– За своими слюнями следи, – попросил я.

«Денег дали – вези и не выёбывайся, по-моему всё логич-

но. Не хочешь – не вези, но раз вписался – будь любезен!», – с такими мыслями я уснул.

Проснулся от крика. Довеся нас до нужного адреса, водила, видя, что я сплю, решил залезть мне во внутренний карман. Бывает такое с людьми. Бес попутал. Ну тут собака его и «взяла с поличным». Отработала сосиски, ничего не скажешь.

Дал я водиле на прощанье по морде. Деньги правда не забрал. Довёз ведь... Всё по-чесноку.

Дома первым делом животным – мыло, и отправил в ванную. Как-то сами справились. По крайней мере, проблемы блох не возникло впоследствии. Показал, как пользоваться сральником. В смысле объяснил. Поняли сразу. Дарвин бы точно охуел со своими выюрками галапагосскими.

Собственно, такова история знакомства. Прямо, сказка «Теремок», бля.

3. Новая надежда

– Надо что-то тебе с бабами решать!

Только кошка может так беспардонно вмешиваться в личную жизнь.

– Что не так?

– Да всё вроде так, только вот какие-то они у тебя постоянно разные.

– Вы зато одинаковые! И вас, между прочим, предупреждали.

– Смотри сам, но я бы на твоём месте тормознулась. Годы уходят, здоровье перед собой гонят. Ну, мы, понятное дело, не бросим, еды приготовим, бельё постираем, наскоку войдём в горящий холодильник, но хозяин в доме всё-таки – ты.

– И что с того?

Кошка задумалась.

– А чёрт его знает, к чему я всё это развела?

– Конечно, хозяйка, я имею в виду, женщина – необходима, – это уже собака начала «сказку про белого бычка». – Но тут появляются различные острые моменты. В ней мы все должны быть уверены, причём на все сто. Риски надо максимально исключить или, как сейчас модно говорить, – минимизировать: если узнают, что у тебя собака и кошка разговаривают, – житья нам не будет.

– Да, иногда довольно трудно молчать! Помнишь, эту, На-

дю, которая деньги чуть не спёрла в большом количестве. – Кошка обратилась к собаке, ища поддержку.

– Да! – Собака сразу же вскочила и нервно прошла по кухне пару кругов. – Я могла бы с ней просто поговорить, а так, сразу кусать пришлось. А всё из-за чего? Потому что тащишь в дом всех, кого не попадя!

Я вспомнил эту историю и заржал. Дело было так.

Не помню уже, где я её подцепил. Вроде на улице. Видимо, мама её не предупреждала об опасности таких знакомств. Да и судя по всему, девочкой она была не особо послушной. Или нет? Не, не помню, как всё было с этим знакомством... Ну, короче где-то пересеклись наши пути-дорожки. Сразу пошли мы с ней в кино. Какой фильм – тоже не помню, хоть убейте. Потом ужин при свечах, естественно, в ресторане, далее, как у классиков – ночные катания на тройке. Тройка – это третья модель жигулей. Поймали где-то на Невском, и так это ретро нас впёрло, что часа четыре нас возили по городу. Круче всего, конечно, были горбатые мостики. Романтика, одним словом. Шарман, бля.

Водила попался с юморком:

– Везёт мне на влюблённых, – рассказывает. – Вчера тоже таких же катал, вроде вас, только кавалер там старый был уже и к утру кони двинул. Девчонка ему попалась – ух! Перетискала видать сердечный клапан.

– Кошмар какой! – Надя вся аж охладела ко мне резко.

– Денег-то вначале заплатили? – Я как человек практичный, поинтересовался этой стороной истории.

– Как ты можешь про деньги в такой ситуации! – Надежда уставилась на меня, выпучив глаза. Типа такая вот она... Ну-ну. Тогда я ещё порадовался за чистоту её сердца.

– Да хуй там был! Ой, девушка, простите, ради Бога, – водила выдал в сердцах. – Они как начали тискаться, мне уж и неудобно было, а потом не до денег, сами понимаете. Баба орёт, этот посинел как баклажан, я, понятное дело, сам пересрался. Ещё скажут, что я его завалил, пойдёшь потом докажи.

– У тебя в машине оуклился?

– Не, иначе точно пиздец бы был. Успел до больницы дотянуть. Летел как Шумахер. Меня бы в тот момент на трассу, «за честь страны», я бы им такой рекорд поставил, не поверили бы, что эта машина может так летать.

– Вы так хотели спасти человека? Как это благородно! – Надя явно прониклась таким рыцарством, однако водила сразу вернул её на землю:

– Да мне на этого чахоточного – насрать и закопать. Опять прошу прощения, дама. Я свою жопу спасал!

– Быстро говоришь ехал? – смеясь (ну смех и грех, хули говорить), спросил я.

– Ещё и ногой левой в форточку отталкивался!

Водила явно уже отошёл от вчерашнего стресса и как это часто бывает после конкретного пересёра – словил бесшабашного удальства. Такое состояние, когда всё тебе по херу.

Как сапоги болотные.

– Ну, а в больнице как?

– А хули в больнице? Залетаю во двор, ору, у меня, мол, человек отходит, хорошо там экипажи от скорых тусовались. Они ко мне. Ромео мой, ещё хрипит, царствие ему небесное. Баба его орёт. Я так понял, что он ей тоже ни хуя не заплатил, – тут водила злорадно хохотнул. – Врачи, ясное дело, начали его электричеством хуярить. Ну и видать добились всё-таки. Ничего не скажешь – наука!

В общем, весело мы с Надей погуляли в городе. Ну и под утро, когда все нормальные люди идут на работу, поднимаемся на лифте. На площадке перед дверью нос к носу столкнулся с соседкой. Зовут её Марина. Говорил про неё, кажется? Вроде замужем, но мужа я ни разу не видел. Поздоровались. Надя сразу губки надула. Мне такие моменты, пиздец, как не нравятся в женщинах. Матриархат этот совсем не для меня. Знакомы меньше суток, а уже, видать, планы на меня какие-то.

Маринка – девчонка простая, всё это кривлянье, конечно, видит, но она баба умная, бровью не повела. Подмигнула мне, только когда Наде за спину зашла, мол, давай, веселись, все на работе.

Дома тоже «холодная война» – недовольные косые взгляды. Я сразу Надю в ванную. Пока она там была, мне кошка всю плешь прошипела:

– Мы салат приготовили, ждали тебя. Холодильник даже специально научились открывать с помощью системы рычагов.

– Ну вы даёте! – поразился я звериной соображалке.

– Голод не тётка, – важно добавила собака.

– Слушайте, а что это выражение значит?

Я решил и тему разговора перевести, и словарь свой обогатить.

– Ну, во-первых, зубы нам не заговаривай, а, во-вторых, это значит, что сильный голод в отличие от родственника может подтолкнуть к плохому поступку.

– Чего ж в открытом холодильнике плохого?

– Есть потери...

– Какие ещё потери? – я начал понимать, куда они клонят, но надеялся, что всё это несущественно.

– Твой кий сломали... – с деланным чувством скорби произнесла собака.

– Бильярдный?!

– Ну, наверное, не «брючный»? – тут уже кошка острить начала не по делу.

– Он же денег стоит, пиздец, как много!

– Деньги – вещь абстрактная и нам не понятна.

– Я на этот кий мог грузовик сосисок купить!

– Вот как... – Кошка явно растерялась. – Скорбим, но жрать нам тоже хотелось.

– Но кий-то зачем брать было? Он же даже в футляре был!

Да как вы вообще его нашли?!

– Мы понюхали, какую вещь из тех, что нам подходит, ты меньше всего юзал.

Тут они меня уели.

– И правда, давненько я не катал шары, – разочарованно произнёс я.

– Ничего, сегодня накатаешься, – подбодрила кошка.

– Да ну вас в баню.

– Что за тётя, хоть?

– Тётя как тётя. Руки-ноги, всё на месте.

– Ну, эти-то части тела тебя не особо волнуют.

– Слушайте, вы что, мой моральный облик хотите обсудить?

– Сейчас уже некогда, вода выключилась, – и собака юркнула в комнату.

Кошка, задержавшись в дверях, бросила:

– Удачи! – и, хохотнув, поскакала следом.

Я пошёл на кухню и увидел конструкцию, в которой с изумленьем разглядел часть кия, металлические трубки от пылесоса, двухпудовую гирю (её-то они как приволокли с балкона?), верёвку и мои подтяжки от Hugo Boss. Вся эта хуерага открывала холодильник при минимальном давлении на одну из трубок. Я стоял, разинув рот, когда сзади меня кто-то нежно обнял за талию. Разумеется, это была Надя. На «устройство для открывания холодильника» она посмотрела

с меньшим удивлением, чем я. Эх, не знала она, кто это соорудил! Но тем не менее спросила:

– А это что у тебя?

– Вчера всё думал, как мне наиболее по-идиотски бильярдный кий сломать.

– Ну и как же?

– С помощью холодильника...

Проснулся я часов в пять. Надя отчалила ранее по каким-то своим делам. Я побрёл на кухню, где опять узрел чудо инженерной мысли. Кий угробили! Вот сукины дети! Вспомнил про животных и пошёл в комнату. Они смотрели телевизор, как ни в чём не бывало. Что-то про рыбу. Меня сразу начало мутить. Мысли в голове путались и мешали сами себе. Хороший холодный душ вернул меня в реальность. Она была такой привычной, что если бы не крики из комнаты, то и приходить в неё было бы излишне. С удовольствием вспомнил, что у меня сегодня выходной. Жениться что ли?

Позвонила Надя, спросила, ехать ли ей ко мне? Пусть, думаю, едет. Может, правы мои «родственники» четвероногие? Пора создавать семейный очаг со всеми последствиями. Несколько настораживало странное потребительское отношение к этому вопросу. Причём именно с моей стороны. Как-то всё больно ловко выходило, захотел жениться – нате вам невесту на выданье. Так не бывает в жизни, я это ещё в

армии усвоил...

Ну вот, только подумал об армейке, и сразу начались воспоминания. Служил я в РВСН, в Тверской области. У нас там было два кота, клички соответствующие – Гептил и Амил, вот это были два паскудника! «Подпол» наш их ненавидел лютой ненавистью. Война у них шла не на жизнь, а насмерть. Коты из-за этого постоянно находились в повышенной боевой готовности, чтобы в случае чего адекватно отреагировать на возможные угрозы и провокации. Как-то Гептил подъедался в столовой. Повар их баловал обоих, добряк был, татарин Марат Гайбидулин. Ну и влетает «подпол». Марат сидит на корточках и умилённо смотрит, как кот пожирает кусок мяса. Повар при виде подполковника вытянулся и стоит, молчит. Забыл с перепугу, что надо говорить. А «подпол» подлетает и со всей дури кота сапогом! Тот свечой в небо, как «Тополь», ушёл, но не выпуская мясо изо рта.

Подполковник поворачивается к Марату и как заорёт:

– Почччему?!!

– Виноват! Трщ подполковник.

– Как зовут?!!!

Марат стоит – ни жив, ни мёртв. Молчит. Подполковник аж позеленел весь.

– Я спрашиваю, имя какое!!!

Марат моргает и, наконец, выдаёт:

– Гептил.

Ну, а дальше прямо как у Шаламова:

– Рядовой Гептил – два наряда!!!

И убежал. С тех пор кота иначе как «рядовой Гептил» никто не называл. Так они и жили, коты срали и ссали везде, где по их предположениям была сфера влияния подполковника, а тот, в свою очередь, безбожно гонял их при любой возможности. Демобилизовался я, так и не узнав, чем их противостояние закончилось. Почему-то мне кажется, что коты победили.

От мыслей меня отвлекла собака:

– Там пока реклама какая-то мутная. Ты бы устроил нам ликбез про деньги.

– Какой ликбез?

– Ну, у нас плохо развито абстрактное мышление, трудно нам понять, что такое деньги. Объясни хотя бы, что сам понимаешь, мы уж потом расширим кругозор.

– А, это запросто, носи кошелёк и кошку тоже зови.

Собака исчезла в коридоре.

– Значит так. На деньги можно купить всё, – начал я, когда благодарная аудитория уселась напротив.

– Совсем всё?

– Абсолютно! И это основная проблема человеческого общества. Считать же вы умеете?

– Умеем, – отвечали они хором.

– Ну, тогда смотрите и запоминайте, – я стал доставать

купюры из лопатника.

– Это «десятка», ни хера незначащая купюра.

– Ты нам говори, сколько эта бумажка сосисок стоит!

«Оригинальный способ измерять деньги», – подумал я.

– Сосисок? Это смотря каких...

– Ну вот тех, которыми ты нас в первый раз угощал.

Я задумался, цифра получалась неудобная, с тройкой в периоде.

– Если в этих сосисках, то приблизительно одна, ну чуть поменьше, может быть.

– Отлично, начинает проясняться, – ликовало зверьё.

– Это «полтинник», – продолжал я.

– Пять сосисок, – гордо доложила кошка.

– Совершенно верно!

– А машина сколько твоя стоит?

– В сосисках?

– Да говори уж в рублях, мы сами пересчитаем «по курсу».

Потренируемся заодно.

Назвал я им цифру, те прикинули. Собака покачала головой.

– Очень много сосисок, ну очень много!

– Мне почему-то кажется, что «много сосисок» не бывает, – возразила кошка.

– Ладно, сосискоеды, пора мне в магазин, а то в вашем банке маловато валюты.

– Бери побольше, мы проценты не снимаем! – успокоила

собака.

– Неужели они вкуснее, чем кусок мяса?

– Нет, не вкуснее, но просто это сейчас модно.

– У кого!? – я слегка прихуел.

– У тех, кто голодный.

Всё в мире перевёрнуто кверху жопой. Даже у собак и кошек сосиска круче, чем кусок нормального мяса!

Я, не спеша, оделся, наказал собаке, чтоб вели себя хорошо и пошёл за сосисками. Соседи – «синяки» продолжали ругаться. Живёт у меня рядом такая заноза. Контингент, бля. Пару раз бил бубен мужской особи, только ему это абсолютно до фонаря. Когда ж они отравятся чем-нибудь (прости Господи)? Каждую ночь хороводы водят. У Марины с ними, вообще, общая стена. Точно! Она и просила меня помочь. Тогда я Валере этому и дал пиздюлей. Блин, бить алкаша, конечно же, не правильно, но что делать, когда другого выхода нет?

Да и не бил-то особо, сунул пару раз.

Зазвонил телефон, смотрю – бухгалтерша с работы.

– Алексей Николаевич, у нас проверка в понедельник ожидается, вы не забыли?

Блин, ваще из головы вылетело!

– Да помню, конечно! – отвечаю бодрым голосом, всё и вся помнящего и знающего начальника.

– Я на всякий случай вам звоню, вы уж простите, что в выходной день...

– Что ты, Валя, молодец, что позвонила! Мало ли что со мной может быть!

Я убрал трубу в карман. Надо ехать в офис. Хорошие люди предупредили, что возможен незапланированный визит одной из государственных контролирующих организаций, а у нас в сейфе налика непонятного тыщ сто зеленью. Как-то автоматически прикинул это в сосисках. Лучше такие вещи не засвечивать. Пришлось возвращаться домой за большой спортивной сумкой.

– Сосиски не забудь! – всё-таки успела крикнуть кошка.

Дежуривший охранник удивлённо уставился на меня.

– Алексей Николаевич! Не ждали вас...

По-моему, он чутка струхнул. Наверное, в кваку резался на рабочем месте. Я подмигнул ему ободряюще:

– Кроссовки забыл, с утра хочу в фитнес заскочить, а то совсем расклеилось здоровье.

Какую хуйню приходится про себя придумывать...

Перегрузив деньги в сумку, я прикрыл их газетой и поставил сверху кроссовки. Давно хотел их забрать. Появились они у меня тоже довольно интересно.

Как-то в середине недели секретарша сообщила, что собирается в декрет. Я напряг голову, но так как у меня с ней ничего не было абсолютно стопудово, то в конечном итоге порадовался за неё. Задал стандартные вопросы и получил такие же стандартные ответы.

Потом позвонил знакомой, работавшей в конторе по найму, попросил подыскать замену. Всякие приходили на «смотрины», но я всё не решался выбрать. А выбирать было из кого! Я-то, вообще, падкий до буферных зон и коротких юбок. И вот день эдак на десятый пришла очередная симпатичная девушка с большим полиэтиленовым пакетом в руках. Почему-то я этот пакет запомнил.

– Здравствуйте, я на собеседование.

И глазёнками – хлоп-хлоп.

– Здравствуйте, садитесь.

Я указал на стул, и тут мне позвонили.

Звонок был очень важный, и чтоб не гонять человека туда-сюда, я, извинившись, сам вышел из кабинета. В порту подвисала большая партия контейнеров из-за косяков в сопроводительных документах. Само собой разговор был очень нервным и долгим, надо ли говорить, что о девушке с хлопающими ресницами я напрочь забыл! По-моему, у меня даже батарея в телефоне разрядилась. После разговора я решил, не возвращаясь в кабинет, поехать и обдумать всё, о чём договорился, за обедом. Так вот всё это время человек меня ждал! Часа два! Надо ли говорить, как хуёво я себя почувствовал, когда вернулся!

– Извините, очень срочное дело... – попытался я оправдываться.

– А мне показалось, что вы про меня просто забыли.

Я почему-то решил, что возьму её. Не потому, что она ти-

хо и преданно ждала, и не потому, что почувствовал себя виноватым – Боже упаси! А именно за вот эту её фразу. Почему? Хрен знает... Загадки человеческого мозга.

И я не ошибся, работала она надёжно и хорошо. Но я всегда помнил про эти два часа и как-то спросил её:

– Яна, что бы вы хотели в качестве компенсации за те самые два часа?

– Кроссовки для занятия спортом, – ответила она мгновенно. Потом подумала и уточнила. – Чтобы бегать.

– Кроссовки?

– Ага.

– Размер и фирма?

Она сообщила все нужные данные, и на следующий день я торжественно вручил ей подарок. Поблагодарив меня, она, как бы между делом, спросила, какой размер у меня и что бы я выбрал. На следующий день она вручила мне подарок. Тоже кроссовки.

С тех пор я всегда держал её подарок на виду в кабинете.

По-моему, она была самым умным и порядочным человеком в нашей конторе...

После меня, естественно.

Приехав домой, я убрал сумку в диван.

– Сторожите. Тут денег – тьма, – обозначил я задачу кошке с собакой.

– Сколько?

– Много.

– А нам купил харчей?

– Забыл, да и с таким кошельком лучше не пижонить в людных местах. Знающий человек по щцам сразу выкупит.

– Как всегда! – театрально заявила кошка. – Вместо еды – отмазки.

– Да не нойте вы, сейчас всё будет, вы только приглядывайте в четыре глаза.

Тут в дверь позвонили. Я скорчил недовольную рожу.

– Надя, – понюхав воздух, сообщила собака.

Открываю – точно Надя. Сразу с порога – бросилась мне на шею. «Любимый... Хуё-маё...»

Объяснил ей, что надо купить еды животным.

Хочешь – со мной поехали, хочешь – телик смотри или лучше картофан почисти.

Вернулся – и часа не прошло, а когда вошёл в комнату, то увидел следующую картину:

Надя, забравшаяся на кресло, перед ней собака, порывающаяся для острастки, тут же раскрытый диван и пачки денег на полу. Хули тут объяснять...

Ещё и картофан не почистила. Вот так мы с Надей и расстались.

4. Финляндия

Сажу как-то на кухне. Думаю. Есть такая слабость, чего скрывать. Приятно иногда побездельничать. Ну и приходят эти двое.

Садятся напротив, и телефон сразу звонит. Как они чувствуют, что он должен зазвонить?

Снимаю трубку – Вован:

– Здравствуй, это я, – это он из «Ноль семь», Высоцкого.

Ещё у него есть привычка интересная в дверь звонить семь раз. Не больше, не меньше.

– Ну, привет!

– Лёха, есть план махнуть в чухляшку.

– На хуя?

– Это второй вопрос, ты главное ответь, ты с нами?

– С кем это, «с нами»?

– Пока я и ты, ну так ты с нами?

– Надолго?

– На выходные, может, больше, но неделя – максимум.

– А не много?

– Посидим – побухаем, без осложнений, на природе. Финны, они заботливые, в беде не бросят! Никаких приключений!

– Я и тут могу побухать.

– Ну, напряги мозг, Финляндия – это недалеко, вспомни

уроки географии! – Вован был какой-то подозрительно настойчивый.

– У меня в школе пятёрки только по бутылковедению были.

– Вот и закрепишь заодно. Повторенье – мать ученья.

– А зверей куда я дену?

– Пиздоболов-то своих?

Надо сказать, что Вован – единственный человек, кто знал про их способность говорить. Всегда приносил им вырезку и спорил до хрипоты, что она полезнее сосисок. Под определённым градусом эти споры вызывали у меня приступы смеха.

– Ну, их естественно!

– Перекантуются на консервах.

– Не, я так не могу.

Животные, тревожно слушавшие весь разговор, синхронно закивали головами.

– Говорил я тебе, что жениться пора! Жена бы сидела с ними.

Животные опять закивали, а я вдруг подумал о соседке Марине.

– Слушай, у меня идея есть, если получится, перезвоню.

– Паспорт-то есть у тебя?

– Заграничный?

– Нет, для Ленинградской области!.. Естественно, заграничный!

– Паспорт есть, визы нет.

– Виза – хуйня, у меня знакомец в консульстве всё оформит в лучшем виде. Без очереди.

Далее Вован перечислил мне, что из документов нужно для визы.

– Мне некогда с этой хуйнёй мотаться! – запротестовал я.

– Да не ссы ты! Мужик сказал – мужик сделал. Заеду послезавтра к тебе, ты только собери всё в одну кучу и водки не покупай! – Вован загоготал. – Да и ещё, фотка для визы у них спецовая, на синем фоне!

– Чё, серьёзно? Это, типа, подтекст такой?

– Не знаю, наверное, без подсознания не обошлось, они сами – те ещё алкаши.

– Вован, ну ты точно сам всё сдашь?

– Ага, сдам, как анализы! Кстати, хохма про анализы: никогда не знаешь, кто кого больше сдаёт, ты их или они тебя... Сам придумал! Копирайт, типа.

Вован опять заржал.

– Ну всё, бывай, братуха!

Не люблю такие разговоры в стиле «хуё-маё». Всё так быстро и просто, а потом, хуяк, ты уже в самолёте и пьяный. Животные прервали мои размышления:

– Далеко собрался?

– Отпустите за бугор?

– Бедные финны!

– Без карканья, культурно-массовая программа исключает алкоголь.

– Рассказывай больше!

– Хочу Марину попросить за вами присматривать. Что скажете?

– Молодец, хорошо, хоть не хронь из семьдесят третьей.

– Не, я серьёзно? Как насчёт Марины?

– Ну что с тобой делать, давай, попробуем Марину, хотя мы могли бы и сами продержаться.

– У советских собственная гордость?

– Ладно, согласны.

Звоню в дверь к Марине. Открывает типичный фикус в очках. Пивное брюхо. Муж, наверное. Марину звать неудобно, ещё муж подумает чего.

– Здравстье, я – сосед ваш, хочу попросить помочь мне в одном вопросе.

– В каком? – а сам не поздоровался, я это отметил про себя.

– Я планирую уехать на неделю, но у меня живут кошка с собакой, хотел попросить... – я не успел договорить, как сосед меня перебил.

– Говно что ли убирать за них? – и рожу такую соорил, как будто я его на хуй послал.

– Вы не дослушали, – я, пиздец, как не люблю, когда меня не дослушивают.

– Что там, кто там? – это уже Марина кричит откуда-то из недр квартиры.

Фигус чуть отворачивает голову в сторону и орёт:

– Сосед. Шаляпин наш. Будешь говорить?

Закатать бы ему в бубен, думаю. Хуй с ним, пусть живёт.

Появляется Марина, почему-то улыбаясь.

– Хорошо, хоть у вас настроение хорошее, – пытаюсь сразу втереться в доверие.

– Оно у меня всегда хорошее, пока в дверь не позвонят.

«Очки» уходят, даже не попрощавшись. Марина вышла со мной на лестницу.

– Чего стряслось?

– Муж ваш – невежливый, – начал я издалека.

– Я знаю, – перебивает она. – Что хотели?

Я быстро объяснил ситуацию, особо подчеркнув, что животные очень чистолюбивы и в туалет ходят сами. Грязи от них никакой.

– Надо же, первый раз такое слышу! – искренне удивилась Марина.

– Только пожрать им готовьте, а остальное они сами, – заверил я её.

– Ну, хорошо.

– Пойдёмте, я вам всё покажу.

Мы прошли в мою квартиру. Я быстро провёл её на кухню:

– Вот – газ, вот – холодильник, – стал я объяснять, как

идиот.

Мохнатая пиздобратия ходила вокруг, так и норовя по-пасть под ноги.

– Денег я вам оставлю на всё, про всё.

– Ну, это само собой, – по-хозяйски закивала головой Марина.

Блин, сиськи (третий размер точно) тоже закивали.

Я на них уставился, пока кошка на ногу не наступила.

– Когда уезжаете?

– Через неделю планирую. Сколько пробуду – не ясно, может, дня три, может, и больше.

– Отлично, не забудьте ключи занести, и можно на «ты».

И она ушла, покачивая бёдрами.

– Аминь! – это уже кошка ляпнула, когда за Мариной дверь закрылась.

– Может, отобьёшь у муженька?

– На хуй эти разборки!

– А, по-моему, она – то, что надо.

– Иди руки помой, на улице почти был, – напомнила кошка и, проходя мимо ванны, сказала явно с подъёмкой. – Вот кран.

С Вовкой мы друзья ещё со школы. Сидели за одной партой. В армию вместе пошли, я – в ракетчики, а он – «за речку». Ему повезло, мало того что вернулся без единой царапины, так ещё и остался таким же неунывающим весёлым

парнем, которого я знал с детства. Я, правда, тоже не изменился, разве что приобрёл определённый иммунитет к алкоголю. Определённый – это когда точно знаешь, что «ещё сотку и пиздец». В последнее время (лет пять уже) виделись мы всё реже – все стали деловыми, да и жизнь, чем ты старше, тем быстрее летит. Начинаешь «не успевать». Но пару раз в году всё-таки находили время и место для того, чтоб потряхнуть стариной. Как правило, подтягивали ещё кого-нибудь из «наших», снимали сауну с женским полом и вперёд! А тут – Финляндия! С чего бы это он? Я почувствовал, что ему что-то надо от меня, а раз другу требуется помощь, то какие могут быть вопросы?

– Фотографии делаете?

Я стоял в каком-то фотоателье на Старо-Невском. Все стены были увешаны снимками. С них мне улыбались незнакомые люди. Я зачем-то улыбнулся им в ответ.

В углу потрескивал прибор для сушки фотобумаги. В полумраке высился древний, на деревянном штативе, фотоаппарат. Фотоаппарат внушал полное доверие.

– Разумеется! И проявляем, и печатаем, и даже деньги за это берём. Фотограф оказался молодым парнем с чувством юмора.

– Мне надо «на синем фоне».

– «Столичную» будете?

– Да нет, мне для визы.

– В чухляшку что ли?

– Ну да.

– Жаль, а то я после вчерашнего, – фотограф сделал определённый жест, щелкнув себя пальцами по шее, – одному как-то неудобно...

– Ну, давай по полста.

– О! Наши люди!

И он убежал в недра мастерской.

Вован заехал вечером. Естественно, в дверь позвонил семь раз. Долго смотрел на фотографии:

– Что-то снимки какие-то нечёткие...

– Сам ты «не чёткий», на самом что ни на есть натуральном синем фоне!

– По чём фоткался?

– Да как сказать...

– Так и говори!

– Рублей сто или, может, сто пятьдесят.

– Больно цифры подозрительные.

– Подозрительно, что мы без баб за границу собираемся.

– Всему своё время, – Вован положил все мои документы в отдельную папочку, папочку убрал в портфель. – Ну, давай, буду держать тебя в курсе событий, ты только это, смотри не сорвись. Будь в полной боевой готовности!

– Есть!

– На жопе шерсть!

И мы оба заготовили.

– Салют, тунеядцы! – Вовка приветствовал вышедших к нам животных.

– Здравсте, дядя Вова, – первая реагировала собака.

– Здорова! – Это Вован уже персонально кошке.

– Пися у Николая второва, – в тон продолжила та.

Мы заготовили ещё больше, Вовка сквозь слёзы попросил:

– Давай, я её к себе на работу устрою, секретарём? Будет у меня на телефонные звонки отвечать, всяких мудозвонков табанить!

– У меня трудовой книжки нет и прописки.

– Нет, ну ты посмотри, на всё готов ответ! Красава, тебе цены нет, не бережёт вас ваш алкоголик.

– Не волнуйся, если он по пьянке дуба врежет, то к тебе переберёмся.

– Не дождётесь! – я замахал кукишем у них перед носом.

– Как у тебя с бабами? – Вован решил сменить тему разговора.

– Да как обычно, ничего постоянного, сейчас одна прибилась, иногородняя.

– Люблю иногородних, у них такая пассионарность.

Собака уважительно кивнула.

– Как поедете? Самолётом? – кошка решила сменить тему.

– Не, самолёт стрёмно, с финбана паровоз ходит.

– Знаю, – собака почесала за ухом. – Называется «Кобелиус», вроде.

– Сибелиус, – поправляю. – Композитор ихнёвый. А ты всё о кобелях мечтаешь?

– Законы природы-то никто не отменял.

Вован вдруг встрепенулся:

– Слушайте, я же вам мясца привёз!

Вован полез в портфель.

– О, бля, протекло!

– Ты мне документы необфоршмачь! – взвился я.

– Шутка юмора! – тут же ответил он, как когда-то в школе, и захохотал.

– Говядина, между прочим, – понюхав воздух, сообщила собака.

– Ага, – Вован был абсолютно счастлив. – Держите.

Зверьё потащило пакет на кухню. Точнее потащила его собака, а кошка просто барражировала рядом как истребитель прикрытия.

– У меня вчера, прикинь... Захожу в подъезд, двое торчков. – Вован начал рассказывать, понизив голос. – Типа, давай денег! Прикинь! В моём подъезде!

– Ну и ты чего?

– Успокоил обоих.

– Как?

– Лаской...

– Ласка – это название электрошокера, – кошка кричит из кухни.

– Всё знает! – восхищённо покачал головой Вован. – Ну,

полечу я, давай.

Мы пожали руки и я закрыл за ним дверь.

Если всё идёт хорошо, то вы что-то упустили. Народная мудрость оказалась верной и на этот раз. Это я понял в четыре утра, когда проснулся, не понимая какого хрена я это сделал в такую рань, но сразу же ощутил настолько сильную зубную боль, что даже растерялся. Что делать? Сожрав кило анальгина, кое-как дотянул до утра. В зеркало было страшно смотреть: полрожи опухло, даже глаз заплыл. Стал абсолютно непохож на фотографию на финской визе. А вот на коренного финна, наоборот, стал чем-то смахивать...

Кошка как всегда ободрила:

– Я бы предложила тебе водкой прополоскать, да боюсь, что ты увлечёшься.

Собака была более милосердна и просто проштудировала справочник на предмет ближайших зубоврачебных клиник. Делать было нечего, как ни ненавистна эта процедура, но придётся к ней прибегнуть. Охая и ахая, я оделся и помахал зверям рукой.

– Если что, я на том свете.

– Простите, кто последний?

Мужчина в очках, типичный интеллигентный мудака, еле слышно задал вопрос сразу всем.

– У вас номерок?

Бабка в платке, явно ёбнутая, встревавшая во все разго-

воры людей в очереди, причём «ни хуя не последняя», влезла и тут.

– Нет, у меня «с острой болью».

– Тут у всех с острой болью! У меня вон всё отекло, наверно, рвать придётся, и так уж зубов нет, мне надо ещё к внукам успеть, ой, такие внучатки, такие внучатки...

– Я – последний, – дождавшись окончания очередного словесного поноса, сказал неунывающий старичок.

– Но, – продолжил он, – если у вас с «острой», то можете без очереди, по крайней мере, я вас пропущу.

– Спасибо, но я могу потерпеть.

Интеллигент благодарно посмотрел на старичка, тот пожал плечами, не хочешь, мол, как хочешь.

– Значит, не острая боль у вас, что же вы нас обманываете, ишь решил проскочить без очереди.

Разумеется, бабка в платке не могла не прокомментировать.

– Отстаньте вы от человека, он, вообще, ничего не говорил про это, сами всё навывдумывают вечно и сидят потом обсуждают не пойми что! Это взорвалась нервная женщина, явно с острой болью, которая с самого появления ёбнутой бабки крайне негативно реагировала на её высказывания.

– А что ты его защищаешь? Если такая добрая, то пропусти его перед собой.

– А что ты мне тычешь, что ты тычешь, дома тыкай, внукам своим, ведьма.

Ну, всё, началось, как всегда интеллигенция своим соплежуйством начала разброд и шатания, вылившиеся в народный бунт.

– Я войну прошла, чтобы ты тут мне хамила при людях?!

– Да закройте вы обе рот, хуже собак, честное слово. Итак тошно, вы ещё тут рты поразевали. Дождитесь очереди, там и разевайте!

Это дал просратья обоим здоровенный мужик с красным лицом и судя по всему маялся он не только от зубной боли. Бабка с нервной женщиной на время прекратили взаимные упрёки, повернулись в его сторону.

– А вы что лезете? Голова болит после вчерашнего?

– Я войну прошла, чтоб ты вот сидел тут!

– Я к врачу прихожу не для того, чтобы меня оскорбляли!

– Хорошо внуков нет, не видят этот позор, взрослый мужик, креста нет на тебе!

– Да идите вы на хуй обе!!!

– Мужчина, прекратите выражаться! – вступила интеллигенция.

– И ты иди на хуй! Смычок...

Кошки не хватает... Её стихия. Подумал я.

«Интеллигенция» открыла рот, лампочка на кабинете призывно моргнула, встала молодая девчонка, еле сдерживая смех.

– А ты что ржёшь, прошмандовка?

Бабка не могла снести позора, и, так как мужика она уже

побаивалась, то выбрала для атаки самую незащищённую из очереди.

Девчонка юркнула за дверь.

– Вы не знаете сколько у них врачей принимают? – обратился почему-то ко мне неунывающий старичок.

– Три вроде, но ощущение, что один.

– Спасибо.

– Пожалуйста...

– Это же надо до такого дожить, распустили народ, при Сталине такого бы не было! – не унималась бабка.

– Ну, а что, при Сталине лучше было?

– При Сталине порядок был!

– При вашем Сталине полстраны сидело! – дама с портфелем и родинкой на щеке гневно обернулась к бабке.

– Сидели те, кто должен был сидеть!

– Я, между прочим, сидел при Сталине, кому-то что-то не то сказал, и написали, куда следует, люди добрые. А порядок, действительно, был, но сидело не «полстраны», а сажали, потому что писали друг на друга. Так что не надо на Сталина всех собак вешать. Народец такой был, да такой же и остался...

Все с уважением посмотрели на старичка.

– Отец, я бы половину оттянул за тебя, но сам условно...

– мужик, подбадривая, подмигнул и извиняюще развёл руками.

Бабка попеременно шарахнулась сначала от одного, потом

от другого.

– Как мир тесен! – тихо проговорила, явно поражённая ситуацией, дама с портфелем.

– И повоевать тоже успел, на Ленинградском, кстати.

Все с ещё большим уважением посмотрели в сторону старичка.

– Всё равно, так выражаться не следовало! – интеллигенция не может оправиться.

– Да ладно, голова трещит, зубы болят, а тут как сороки галдят над ухом. Ну, войдите в моё положение...

Мужик с красным лицом идёт на мировую.

– Предупреждать надо о своём состоянии, – нервная женщина тоже начинает успокаиваться.

– Как они долго...

Бабка переключает всех на общего врага...

В очереди опять тишина и покой.

Доктор заглянул мне в рот и присвистнул:

– Ого!

– Что там? – с тревогой спрашиваю.

– Зубы, что ж ещё!

– Весело? – я почему-то не оценил этого незатейливого юморка.

– Лечим или рвём?

– Лечим.

– Давайте на снимок сначала.

Мы пошли на снимок.

– Знаете, а зуб-то не спасти...

Доктор долго изучал негатив, иногда шевеля губами, как бы беззвучно споря о чём-то сам с собой.

– Совсем без шансов?

– Проще потом мост поставить или даже имплантант.

– Хоть не силиконовый?

– Нет, конечно, – заулыбался доктор.

– Ладно, дёргайте, а то совсем уже мозги спеклись.

– Сильно болит?

– А как вы думаете? Я к вам просто так зашёл, на огонёк?

– Вот потому и болит, что ходите к врачам только когда припрёт. Раз в год ходите на осмотры, столько проблем можно избежать!

– Давайте уже дёргать... Быстро хоть вырвите?

– Десять минут! – бодро пообещал врач.

Мне поставили два укола и эскулап принялся за дело. Я лёг на кушетку, ассистентка стояла наготове у меня за головой. Тут я понял, почему доктор развеселился от моей шутки про силикон. Её массивные сиськи угрожающе нависали надо мной, как утёс. Доктор долго приноравливался, пытаюсь захватить зуб получше. Наконец, по тому, как напрягся его лоб (всё остальное было скрыто маской), я понял, что сейчас он начнёт тянуть. Но что-то явно пошло не так. Доктор начал пыхтеть, попросил ассистентку держать меня за голову, потому как дёргал он уже так, что голова отрывалась от

лежака. Нежные, заботливые женские руки мягко обхватили меня за лоб и прижали к кушетке. Сиськи стали совсем близко, если бы не чужие руки у меня во рту, я бы, наверное, мог дотянуться до них, чтобы укусить. Меж тем, доктор явно начинал нервничать. Я тоже – сиськи, всё-таки! Наконец, после очередного рывка он спросил:

– Вы не врач случайно?

Я отрицательно замахал головой. Вслед за моим движением сиськи тоже качнулись влево – вправо. Это завораживало настолько, что я ещё покачал головой, хотя меня уже никто ни о чём не спрашивал.

– Обычно все проблемы либо с врачами, либо с родственниками, – извиняясь, объяснил доктор и с новой силой принялся за дело.

Я изо всех сил помогал ему, сам, дёргая головой на противоходе, при этом, не сводя глаз с пышных форм ассистентки, которая уже практически легла мне на голову. И тут, когда наши совместные усилия достигли апогея, у меня во рту взорвалась граната. Осколки зуба разлетелись по всему кабинету. Доктор огорошенно смотрел то на щипцы, то мне в рот.

– Да что ж такое! – наконец воскликнул он.

Наконец, после долгого рассматривания остатков зуба и негатива зубной полости, он произнёс:

– Четыре корня.

– А обычно сколько? – еле-еле спросил я.

– Три. Вы точно не врач? – с невесёлой усмешкой ещё раз

поинтересовался он.

Я опять замотал головой. Говорить было очень трудно, рот свело наркозом.

– Сейчас я разрежу их и выну по-одному, потом наложу швы.

И уже обращаясь сам к себе:

– Блин, ну и геморрой!

Десять минут превратились в час.

Когда я выходил, очередь смотрела на меня с лёгким ужасом.

Вован не подвёл, все документы были готовы к концу недели. Я провёл с Мариной ещё один инструктаж, отдал ей ключи и поехал на вокзал. Кошка напутствовала меня словами:

– В поезде хотя бы не напейся. В Европу всё-таки едешь!

В пути мы держались молодцами. О чём могут говорить двое старых дружанов? Вспоминали детство, травили байки, естественно, громко смеялись к явному неудовольствию соседей – в основном, финнов. Я до этого момента даже и не подозревал, что среди жителей Питера бродит такое количество представителей этой страны! Но финны оказались тёртые калачи: как только поезд тронулся, половина пассажиров тут же ломанулась в вагон-ресторан. Некоторые чинно бухали на своих местах, тактично отпивая из горлышка. Вот

он, настоящий «финский залив». Когда приехали в Хельсинки, полвагона было уже «в лёгкое мяско». Как это было ни странно, но абсолютно трезвыми были только мы с Вовкой и ещё штук пять, непонятно чьих уже детей. На вокзале нас ждал микроавтобус, который Вован называл «трансфер», хотя это был обычный Ford Transit. С нами в автобусе оказалось ещё две семьи: молодые пары, счастливые и глупые. Вован поглядывал на них с каким-то подозрительным умилением. Я опять задумался. Зачем же он меня пригласил? Ладно, подождём, в конце концов, всему своё время.

Водитель был финн. Это мы поняли, как только тронулись.

– Финны все такие «стремительные»? – тихо спросил я.

– Тише едешь – дальше будешь, – философски изрёк Вован и закрыл глаза.

Я тоже решил поспать, ехать нам предстояло часа три.

Молодые пары знакомились друг с другом и несли какую-то околесицу про зимние лыжи.

Естественно, поспать в автобусе толком не получилось, поэтому первым делом по приезду мы пошли в сауну и хорошенько там наподдавали, игнорируя значок на стенке – рука с ковшиком, перечёркнутая красной полосой. А уж после бани разбрелись по своим номерам, где уже уснули как убитые.

Утро показалось мне божественным. Я чистил зубы и не понимал, как ещё возможна другая жизнь кроме этой? Про-

блемы на работе? Нервы и прочая обыденная хуита? Не-е-е!

Не так должен жить человек! А вот тут, в чужой стране, понимаешь, что порядок и уважение к законам – залог того самого состояния, которого нам так не хватает у себя дома. Ну чем же мы хуже них? Я набрал в рот воды и внимательно посмотрел на себя в зеркало. Решительно ничем! И немедленно сплюнул.

Вовка уже ждал меня за большим деревянным столом. Вчера я как-то совсем упустил из виду архитектурные решения нашего временного жилища. Теперь с интересом вертел головой по сторонам.

– Заебись строят... – заметив мой взгляд, высказался Вован.

– Да, неплохо. И главное – поддерживают состояние «с иголочки». Как будто вчера только объект сдали.

– Ничего не скажешь – молодцы финны.

Я вспомнил свои утренние мысли и нахмурился. Вован довольно усмехнулся:

– Во-во, и я о том же подумал. Давай, заглушим тоску по Родине старым проверенным методом.

– Давай! – я махнул рукой. Действительно, чего зря тянуть.

Когда мы скушали первую поллитровку, к нам заглянули хозяева. Вован выбрал частный пансиончик на берегу

небольшого озера. Владела им семейная пара, уже в летах. Муж был типичный финн, а вот жена, я был уверен, наша. В подтверждение моей догадки она тут же обратилась к нам на чистом русском:

– Доброе утро! О! Я вижу вы уже отдыхаете? – но без испуга, а наоборот, как бы подбадривая.

Её муж тоже не проявлял никаких признаков беспокойства, видимо, уже давно привык к русским туристам.

Мы представились друг другу.

– Не шокирует? – на всякий случай спросил я, указывая на бутылку водки.

– Да нет, что вы, я сама русская. Уехала в семьдесят восьмом.

– Мы поженились, – гордо, но с диким акцентом, добавил её муж.

– Выпустили спокойно?

– Спокойно, ну, конечно, пришлось справки собрать всякие, но это же нормально...

– А вы русский откуда знаете? – Вован задал вопрос её мужу.

– По работе пришлось: работал строителем, – за него ответила его жена, а финн кивал головой в такт её словам.

В итоге, проболтали мы с ними около часа, даже махнули все вместе по рюмочке, «за знакомство». Уходя, женщина подмигнула нам:

– Это у нас проверенный агент, – она положила на столик какую-то бумажку. – Звоните, он специализируется на русских туристах. Девчонки у него – ураган...

И они вышли.

– Ну что я тебе говорил? – Вован, прихихатывая, повертел в руках бумажку. – Сервис!

– Вова, ты же не за этим меня сюда привёз. Что у тебя стряслось?

Вован не спешил отвечать. Продолжая крутить в руках визитку, он прохаживался по холлу. Наконец, остановился у камина и бросил туда бумажку.

– Вот как? – нахмурился я.

– Да, Лёша, – он как бы последний раз всё мысленно взвесил. – Жениться собираюсь.

– А бумагу-то зачем в печку? Я-то не женюсь!

– Извини, душевный порыв...

– Но сюда ты зачем меня приволок?

– Мы друг друга знаем не первый год, оба – те ещё распиздяи. Хочу всё взвесить и выслушать совет от доброго старого друга.

– Это любовь?

– У нас с тобой? – Вован с ужасом посмотрел на меня.

– Да ты ебанись! У тебя с ней?

– Думаю, да.

– «Любовь» и «думаю», по-моему, несовместимые слова.

– Иногда ты умнее, чем кажешься.

– Зовут как?

– На-та-ша. – Вовка пропел из песни «Звуков Му».

– Ты давно с ней знаком?

– Года два.

– Уверен?

– Точно два года!

– В ней уверен?

– Я в себе-то не уверен...

– Если бы я был женат, я бы может и посоветовал что-нибудь, но пока я могу только посочувствовать.

– Мне?

– Ей.

– Сволочь.

К вечеру пришлось идти к хозяйке за номером телефона. Но только для меня, Вован всё-таки выбрал женитьбу.

А дома всё оказалось спокойнее, чем можно было ожидать, и целая неделя с моими домашними совсем не состарила Марину. А я вот, наоборот, подустал. Когда забирал ключи, мои руки немного дрожали, да и всего меня слегка потряхивало.

– Как отдых? – явно с намёком спросила Марина, прослушав мои благодарности за её помощь.

– Отдых? – переспросил я и тяжело вздохнул.

Марина осуждающе покачала головой.

– Как маленький, ей богу!

Я решил поменять тему разговора:

– Как мои? Не шалили?

– Слушай! Они у тебя просто сказка какая-то. Не звери, а люди, честное слово! – восхищённо зашептала она.

– А шепотом-то чего говоришь? – удивился я тоже шепотом.

– Мне кажется, – продолжала она шептать, – они всё понимают...

– Как это?

– Как-как...

Марина разозлилась на мою непонятливость.

– Почём я знаю как!

Я ещё раз поблагодарил её и вернулся домой. Пока шёл до кухни по коридору, за мной кралась кошка и шептала, охая и подвывая, как маленькое четырехное привидение:

– Я всё понимаю, я всё понимаю, я всё понимаю.

Сволочь...

5. Жена

Статистика – это всего лишь один из многочисленных способов скрыть сермяжную правду. Только масштаб соответствующий. Большой. Если взять и посчитать всех моих знакомых, то неженатым оставался только я. Минус в этой ситуации был один: всё чаще приходилось пить в одиночку или со случайными женщинами, в святости которых можно было засомневаться после первой оброненной ими фразы. Статистика должна была оставить меня холостым, чем ещё раз укрепить себя в глазах всего прогрессивного человечества. Сделать меня тем самым исключением, на которых зиждутся все правила. Но, когда, казалось бы, материальное уже всюю торжествует над духовным, и происходят те моменты, которые в сказках называются словом «чудеса».

Пятница. Вечер. Время, когда прекрасное начинает проступать из ночных сумерек, принимая облик таинственных незнакомок. Я сидел дома и прикидывал – чем или точнее кем заняться? Кошка убиралась на кухне, собака сортировала бельё для стирки. Дома – порядок и благодать. Набрал пяток телефонов: все не могут – у кого месячные, у кого ещё какие проблемы. Придётся выходить на свободную охоту, как лётчику-истребителю. Помню, смотрел по телику Жванецкого: тот сетовал, что такая «профессия» как бабник стала

исчезать. Прогресс нанёс по ней сокрушительный удар в лице салонов массажа и прочих VIP-саун, ICQ вкупе с многочисленными сайтами знакомств. Ответственно заявляю – пиздёшь! Я – классический представитель старого доброго «Что вы делаете сегодня вечером?»

Побрился, поискал на антресолях гондоны, почему-то не нашёл. Неужели так быстро закончились? Я всегда такие компрометирующие вещи храню повыше (бабы – они как правило не высокие – им до антресолей не достать). Да и как гласит пословица: «Подальше положишь – поближе возьмёшь». Кошка вышла из кухни, молча понаблюдала за моими приготовлениями:

– Ну что, «сборы были не долги»?

– Скучно...

– Книжки читай, научно-образовательные программы смотри! Шагай за горизонт познания! Тянись к свету!

Собака выглянула из ванны и вставила:

– После тридцати самое время для индивидуального ренессанса.

– Вы ёбнулись на пару обе две?

– Сердце болит за тебя. Может остепенишься, жену завёдёшь?

– Вас хватает с поучениями.

– С твоим образом жизни запросто можно раньше времени с Богом познакомиться.

– Говорят, неплохой мужик. К тому же за вас словечко

замолвлю...

– Ну как знаешь...

– Телик не врубайте громко.

И я пошел в бляди.

Вечерний город прекрасен для каждого по-своему. Мне нравится центр. Центр – это Невский. Если вы, гуляя по Невскому, не закадрите какую-нибудь бабищу, то вы – либо безнадёжный заика, либо просто пидарас.

Случайный хачик довёз меня до Дворцовой площади. Есть много вариантов с какой стороны Невского проспекта начинать движение: с чётной или нечётной. Для меня это – не принципиально. Я не спеша побрёл по той, где вылез из машины. Не через дорогу же метаться? Погода – прекрасная. Осталось найти такую же принцессу, как говорится, под стать. Для разгона необходим лёгкий допинг. Надо совсем чуть-чуть, самую малость, я называю эту дозу – «языковые», по аналогии с «наркомовскими». «Наркомовские» придают храбрость, а «языковые» облегчают общение. Но есть и подводные камни: надо следить, чтобы «языковые» не перешли в «наркомовские», а те, в свою очередь, не повели за собой на правое дело. Потому что для любого нормального мужика правое дело – ЛЕВОЕ.

В кафе играет музыка, интимный полумрак и молодые девчонки-официантки мечутся между столиками, как нерпы в сетке. Кадрить официанток – это ошибка: они на работе,

им не до тебя. Максимум, что можно сделать – это взять телефон. И тогда, как правило, может получиться, но это надо куда-то звонить, о чём-то договариваться, и всё это не сразу. Вывод – не профессионально. Ложка хороша к обеду, а у нас планируется большая жратва.

Вернёмся к «языковым». Как я уже говорил, главное не переборщить. Для каждого доза сугубо своя, тут совета дать не могу, мне, например, надо сто пятьдесят вискаря и потом каждый час закидывать по полста. Раньше, кстати, хорошее место было на Ваське, рядом с Биржевым мостом, там теперь какой-то модный клуб. Туда тётки спецом со всего города приезжали, когда ночь на дворе, а спать одной страшно. И всё это абсолютно бесплатно! Золотые времена, где вы?

Отвлёкся я на воспоминания, вернёмся в сегодняшние реалии. После того, как алкоголь начал действовать, можно сразу и начинать прямо там, где накрыло. Главное, чтобы бабы были. Монополии в этом бизнесе нет, выбор большой, надо только не спешить, а внимательно изучить предложение. Вот тут надо ещё один момент помнить. Под градусом они все – красавицы, но утром возможна остановка сердца. Помните – ваше здоровье в ваших руках, не бросайтесь на первую встречную!

Вот, уже вижу: у окна сидит, скучает. И фигура, и всё остальное в порядке, но спешить не стоит. Её хахаль, явно, отошёл пописать. Можно и отбить, но для этого нужно резко поднять градус, что чревато приключениями. Нам нужно,

чтоб всё было культурно. Нет, я не настаиваю, конечно. Хотите экшена – флаг в руки, но я сегодня не настроен на подвиги. Дальше сканируем помещение. Молодые студентки – эти сами не знают ещё, чего хотят, да и самомнение у них, как правило, всегда больше размера сисек. После изучения местности прихожу к выводу, что ловить тут нехуй. Подмигиваю официантке и выхожу. Настроение боевое, шаг твёрдый, глаз острый.

В районе Гостиного Двора попадаетесь неплохой экземпляр. Приближается, о чём-то на ходу болтая по мобильному. Я сбавляю шаг. Не вклиниваться же в разговор, вдруг она детям спокойной ночи желает? Боги на моей стороне. Шагов за двадцать телефон убирается в сумочку. Надо действовать, пока он опять не зазвонил.

– Простите, пожалуйста!

Вежливость – вот главное оружие или, как говорит собака, слабое место.

– Да...

Естественно, первая реакция – подозрительное недоумение.

– Не подскажите, как тут до Красной площади дойти?

И главное рожу посерьёзней.

Тётя, сначала, напряжённо соображает, но, наконец, из недр её лица, подлинными чертами которого грамотно скрыты косметикой, проступают эмоции в виде улыбки.

Я тоже широко улыбаюсь и пытаюсь изобразить невинную

застенчивость:

– Вас увидел и подумал, если не заговорю, то какой я после этого мужчина!?

– И как? Не разочаровались?

Сразу отмечаю для себя – реагирует она очень хорошо, потому что продолжает разговор. Могла бы ведь и на хер послать...

– Вам в ту сторону двигаться?

Я кивнул головой по ходу её движения.

– Ну, в общем, да.

– Я только что оттуда, он вас не дождался...

Она засмеялась.

– Никакого «его» не существует.

– А, может, я на что сгожусь? Ну, хотя бы, проводником.

– Я уже полдороги прошла.

– Ну, буду полупроводником.

В общении с женщиной главное – постоянный юмор. Шутка на шутке, главное, чтобы они доходили.

Я плавно перешёл на разговор о работе. Оказалось, что занимается рекламой. Звать – Светлана. Как завод. Тут же стал с интересом спрашивать, что да как. Узнал много нового про откаты, про которые казалось и так всё знаю. Аккуратно приблизились к семейному положению. Не замужем. В принципе, настало время вводить в бой кавалерию.

– Как-то неестественно, если прямо так сразу и расстанемся... – грустно сообщаю ей.

– Давайте ещё прогуляемся.

– Вы не голодны?

– Хотите пригласить поужинать?

– Тут неплохой ресторанчик есть.

А сам думаю: «Ни хуя тут нет.» Забрели в какую-то глушь.

– Ну, давайте сходим, только ненадолго, мне завтра надо в аэропорт.

– А к какому времени?

– К часу.

– Так это уже в другой жизни будет!

– Всё равно, боюсь проспать.

– Я могу подвезти. Мне завтра всё равно делать нечего.

– Посмотрим, – отвечает уклончиво.

С непонятной уверенностью я повёл её ещё дальше от оживлённых улиц в надежде, что хоть что-нибудь стоящее да и попадётся по дороге. И когда вдалеке замаячила какая-то вывеска, уверенно взял курс на неё.

– Это то самое место? – спросила моя спутница.

– Оно!

А сам думаю: «Сейчас окажется бомжатником, вот же я обосрись!» Но всё равно я поставил на интуицию и импровизацию, следуя совету джедаев всегда «доверять силе».

И правильно! Боги любят отважных. В моём случае все тревоги оказались напрасны, в найденном заведении всё соответствовало определению «милое и маленькое». И народу почти никого. Я заказал вина и ещё кучу всяких ништяков.

К концу ужина в наших отношениях проступили тёплые тона. Я всё ждал момента для главного вопроса («мы ждали так долго, что может быть глупее, чем ждать»), и, наконец, аккуратно, как бы ни на чём не настаивая, сказал:

– Можно продолжить у меня, к тому же и в аэропорт успеете.

Светлана поломалась больше по заложенной в генах программе, чем по собственному желанию, и согласилась.

– А теперь давайте быстро убежим, потому что у меня денег нет за всё это пиршество платить, – напоследок пошутил я.

А вот этой шутки она не поняла, ну что тут поделать. Не всё ж коту масленица. Я тут же махнул официантке, чтоб успокоить Свету.

– Хочу предупредить, у меня дома живут собака с кошкой, не волнуйтесь – очень воспитанные.

– Здорово!

Посмотрим ещё насколько это здорово.

Встречала нас одна кошка. Я по привычке спросил её: «Как дела?» – но она только фыркнула в ответ.

– Как будто понимает, только ответить не может! – восхитилась Света.

«Не может, – думаю, – ну-ну.»

Я повесил в прихожей одежду и проводил Свету в ванную. Конечно, всё это выглядело как намёк, но ей же завтра

в аэропорт, дорог каждый час...

– Собака где? – тихо, чтоб Света не услышала, спрашиваю.

– Спит уже, – сказала, зевая, кошка.

– Как экземпляр?

– Никак. Но одно радует – не шалава.

– Точно?

– Точно. Только знаешь что, – тут кошка потянула носом и хохотнула.

– Обломись, у неё, похоже, месячные начались.

– Ой! – раздалось из ванной.

– Блядь!!! – сорвалось у меня.

Такая у нас со Светой была первая ночь. Надо сказать, что утром я её всё-таки отвёз по её делам. Нет, не по тем «делам», которые раз в месяц, а по служебным. Я почему-то решил, что это ей куда-то лететь надо. Ни хуя подобного. Как оказалось, надо было встречать коллегу по работе. В аэропорту на моих глазах состоялась передача важных документов, после чего курьер тут же отправился на регистрацию к стойке «Убытие». Затем забросил её домой.

– Извини, что так всё.

Она поджала губы.

– Да ладно. Даже забавно, – заверил её я.

– Звони на недельке.

– Знаешь, может я раньше позвоню. Ничего?

– Ничего...

Пока я ехал домой, подумалось: «А не жениться ли мне?» Хорошая баба, что ещё надо? Конечно, не знаю про неё толком ни хуя, но и она же про меня тоже ни хуя не знает.

Решил позвонить Вовану.

– Ну, как супружеская жизнь?

– О, привет. О тебе вспоминал вчера.

– У меня тут те же проблемы, только в Финляндию не поеду.

– Никак жениться собрался?

– Рано ещё говорить, пока только намётки, неосознанное стремление к суициду.

– Давно познакомились?

– Вчера. Вован заржал.

– Подожди хотя бы месяц, а потом ещё полгода. Живите вместе, если хочешь, но всё-таки так сразу не стоит. Я бы, по крайней мере, не рискнул.

– Ну, спасибо, бывай! Привет семье!

– Ты ёбнулся? – довольно сдержано реагировала кошка.

– Почему сразу «ёбнулся»? Чем я хуже других? В конце концов, сами говорили, что моё блядство заебало. Баб вожу не – нравится, жениться собрался – опять не угадал!

– Но не так же сразу! Ты ж совсем не знаешь, кто она и что она!

– Поживём вместе, пооботрёмся – узнаю.

– По-о-ботрёмся, – передразнила кошка. – Мозги уже

стёр, похоже!

– Если хочешь знать, – встряла собака, – то сейчас ты ведёшь себя как примат.

Я начал тихо свирепеть, а она продолжала.

– Тоже мне завоеватель, Юлий Цезарь сраный. Veni, vidi, vici?

– Чего?

– Дурень, это латынь!

– На карту поставлено моё здоровье, которое, я надеюсь, под постоянным и неусыпным контролем женщины будет улучшаться!

– «На карту» ты блевал. Забыл уже?

В конце концов, кто в доме хозяин, я или они?

– Короче, если Света согласится, то со следующей недели, как говорится, прошу любить и жаловать.

– Поспешные решения на тёмную сторону увести могут, – выложила кошка последний аргумент.

– Фонарик куплю!

И закончил этот разговор.

Света согласилась, и стали мы вместе жить-поживать. Однако зверьё не спешило раскрывать свой чудный дар. Это меня настораживало. В конце концов, они лучше разбираются в людях, я это не первый раз замечал. Мне, поперваку, тоже приходилось трудновато: во-первых, как бы их не «спалить» своими вопросами, во-вторых – про других королев

пришлось забыть. И если с последним можно было как-то бороться с помощью самодисциплины, то первый пункт вызывал серьёзные трудности, мозгом-то я всё понимал, а вот заставить себя молчать было труднее. Да и во время трансляции футбольных матчей пришлось Свету уводить подальше. От греха.

Было чем озадачиться, одним словом. Но были и явные плюсы. Качество питания улучшилось. Появился регулярный секс. Что насторожило – соседку Марину Света невзлюбила сразу, видимо, сработало что-то сугубо женское.

Началось всё в субботу вечером со звонка в дверь. Открыла Света и, зайдя в комнату, недовольно сказала:

– Тебя.

Я поднялся. Кого там ещё чёрт принёс? Оказалось соседка.

В отличие от меня животные это сразу поняли и ломанулись к дверям.

Всё-таки она их неделю кормила!

– Лёш, привет!

Я тоже поздоровался, покосившись в сторону комнаты. Марина прекрасно поняла мой жест и усмехнулась.

– Чем могу?

– Соседи мои, из семьдесят третьей, совсем офонарели: орут, шумят, музыка у них громко играет. Не сможешь по старой дружбе?

От этой «старой дружбы» у Светы уши вытянулись как у

ослика Иа, я это спиной почувствовал.

– А «твой» чего? – интересуюсь больше для прояснения ситуации.

– В командировке.

– А это кто? – беззвучно, одними губами спрашивает Марина.

«Своеобразный обмен информацией», – думаю.

– Света, иди, пожалуйста, сюда, – громко позвал я, чтобы решить недоразумение.

– Знакомься, это – Марина, наша соседка.

– Очень приятно, – явно с подозрением ответила Света.

– А это – Светлана. Моя жена.

– Взаимно, – отозвалась Марина.

– Ну. Пойдём к синеморам!

Стучу в дверь (звонок, естественно, не фурычит). Сначала рукой, потом, когда уже понятно, что никто меня не слышит, ногой. Наконец, хватает ума взяться за ручку и повернуть – дверь вообще не заперта. Захожу. Типичная «нора». Бывал уже пару раз тут. Рассказывал, вроде, уже? Вонища, грязь кругом. Вот ведь послал Бог соседей. Сразу понятно, что никакие мирные переговоры не подействуют, придётся использовать силовое решение вопроса. Провести локальную анти-террористическую операцию. Принудить к миру. С такими мыслями решительно иду на звуки музыки. В комнате, за столом, сидят двое мужиков и баба. Сразу поднимаю за груд-

ки того, что поздоровав, чтобы потом не мешал, и накатываю ему со лба. Потом, длинно размахнувшись, припечатываю второго «кавалера» – тот улетает к стене вместе со стулом и оба они затихают. Далее вырываю шнур питания каким-то чудом ещё не пропитого телевизора и в полной тишине присаживаюсь напротив испуганной девахи.

Она же, насколько я помню, является и хозяйкой квартиры.

– Значит так, если ещё раз услышу, как хотя бы мышь здесь зашуршит – тебе придёт пиздец, мгновенный, как ракета-перехватчик. Ясно?

Фрося кивнула.

– Ну вот и отлично, теперь пакуй своих бой-френдов и чтобы духу их тут не было.

Решение вопроса заняло не более пяти минут. Когда я вернулся к себе, помимо благодарного взгляда Марины, я получил ещё и ледяной взгляд жены. Надо было, конечно, тогда ещё насторожиться, но любовь ослепляет.

6. Ремонт

Что нужно для того, чтобы милые и любимые вам люди, являющиеся членами вашей семьи, вдруг превратились в ненавистных и злобных инопланетян? Правильно. Нужно начать ремонт. Наверное, женщина более готова к таким потрясениям (потому что она их и провоцирует в подавляющем большинстве случаев), то есть способна добровольно шагнуть в неизвестность, чтобы потом появиться словно Афродита из морской пены новой ванны – чистой и прекрасной. Только вот пена у нас была ни хуя не морская, а монтажная, и главный Посейдон, то есть я, должен был гробить свой отпуск на то, чтобы выполнять очередные архитектурные и дизайнерские заёбы своей горячо любимой супруги, не разгибая спины.

– Как то уж больно быстро начала она хозяйничать? – спросил я у кошки.

– Сверли быстрее. Я не могу долго это слушать.

Даже верные твари божьи и те подгоняли меня. Не было места в моей квартире, где бы меня не поджидали дрель, молоток или гипрок. В мой словарь уже навечно вошли такие слова как дюбель, стусло, шуруповёрт и мифический термин «заподлицо». Им я выражал несбыточную мечту об окончании ремонта. В моём личном пантеоне слов это приближалось к таким вершинам как «абсолют» и, может быть, даже

«вечность».

– Надо стол здесь к стене привернуть на уголках.

Дальше начинается спор, какие должны быть уголки. Наконец, я не выдерживаю:

– Ты много понимаешь в уголках?

– Да!

– Ночью поставлю тебя «уголком» и проверю.

Естественно Света сразу же надула губы.

Этот диалог очень характерен. Он является шаблоном для сотен ему подобных. Уголок можно поменять на плитус, или на испанскую кафельную плитку – суть не изменится.

Ремонт начался с туалета и ванной. Через три дня я взбунтовался и отказался участвовать в проекте как ручной привод Светиных фантазий. Вован сосватал мне каких-то не то туркменов, не то таджиков.

– Вова, а что наших нет?

– Не поверишь, но это большая проблема. И это я тебе ещё самых надёжных советую, уже давно работают, можно сказать – опытные люди.

Я их как увидел, так сразу подумал, что лучшее, что было для них – это советская власть. Без неё они пропадут. Нашёл сообразительного белоруса Гену, в качестве ответственного за качество, и за неделю они мне эту тему раскрыли. Белорус спросил меня, как я хочу, чтобы всё было. Я ответил, что

хочу, чтобы всё было «заподлицо». Тот охуенно озадачился. И, чего уж там греха таить, сделали они в результате всё заебись.

Потом пришла очередь кухни. Это был самый тяжёлый момент. О завтраках пришлось забыть, днём выручали рестораны, а вот ужинать пришлось в сухомятку. Целых две недели животные тихонько выли, но деваться было некуда. Сидя вечером перед телевизором, кошка крыла Свету на чём свет стоит.

– Я не могу жить в такой квартире. Мне нужно дышать чистым воздухом! Чистым! А не этой строительной пылью! Во что превратили наше милое жилище? – патетически вопрошала она, обращаясь к нам с собакой.

– Во что? – удивлялась та.

– А мне очень нравится термин «наше милое жилище». Ведь, небось, своим помоешным кавалерам рассказываешь, что мы у тебя домработники, – сказал, подмигнув, я собаке.

– Вы всё хотите превратить в милую шутку? Ну что ж, продолжайте. Только, когда вам это надоест самим, на меня можете не рассчитывать!

– Отлично, – подытожил я. – Ремонт затеяли не мы, но спрос почему-то с нас!

– Я, между прочим, изначально была против этой Светы.

– Ну, скажем прямо, я тоже была не «за», – внезапно ударила меня в спину собака.

– Да вы что? Это-то здесь причём?

– Ещё устроит она тебе семейную жизнь, помяни наше слово! – взвилась кошка.

Видимо, мои шутки про кавалеров задели её кошачье сердце.

– Я что-то не пойму. Сначала вы мне мозги промывали, чтобы я остепенился. Теперь, когда, буквально наступив на горло собственной песне, я шагнул на зыбкую почву супружеских отношений, выясняется, что всё, что вы говорили до этого – херня! Зато есть этакий дуралей, который в очередной раз не внял советам умудрённых жизнью родственников, правда по хуй знает чьей линии, и он опять стал во всём виноват! Так, по-вашему, выходит?

– Ну-ну, кипяток, зачем так сразу называть вещи своими именами? Это не толерантно. Не в духе сегодняшней европейской моды.

– Идите вы на хер с вашими подьёбками, заумь шерстяная! Когда мне ещё говорить? Подождать пока Светик вернётся? При ней дебаты начать?

– Све-тик!

Кошка фыркнула от недовольства. Собака тоже поморщилась. И тут я сообразил в чём дело.

– А может вы приревновали?

Звери ошалело переглянулись.

– Типичная мания величия! – наконец подобрала нужное отображение своих мыслей кошка.

– Ага, комплекс Цезаря, – поддакнула собака.

– Час принудительных хозработ по уборке территории!
Это было всё, что я мог возразить.

А кипучая натура моей любимой супруги начинала поражать масштабами. Если бы ей довелось жить во время Хеопса, то пирамиды в Гизе явно прибавили бы в размерах. Конечно, при условии, что Хеопсом был бы я.

Внезапно ей понадобилось поменять цвет кухни, и это тогда, когда кухню уже вместе выбрали и заказали! Она клялась, что увидела новый цвет во сне, и теперь, как Менделеев, была полна решимости доказать всем и вся, что сон можно сделать явью. Конечно, всё станет «явью», если рядом есть такой безотказный спонсор как я. А на Свету было любо-дорого смотреть. Как будто только сейчас в её жизни появилось что-то стоящее! То, что можно разрушить, а потом воссоздать. Ренессанс на обломках моего бывшего блядства. Попытка перечеркнуть моё бесполезное, с её точки зрения, прошлое внушала уважение. Наверное, она свято верила, что таким образом спасает меня от себя, «себя» в смысле «меня». То есть, помогает забыть то, что было, и с оптимизмом смотреть в будущее.

Пока что я только смотрел на груды стройматериалов, ждущих, когда заботливые руки туркменских рабочих предадут ей очертания, как минимум, Тадж Махала.

Пунктуальный белорус начинал тихо ехать крышей от идей моей супруги. Всё бы ничего, но идеи эти рождались,

когда было выполнено более пятидесяти процентов работ и для их воплощения приходилось рушить половину воздвигнутого. Туркмены, или кто они там были на самом деле, напротив, безропотно сносили все перепитии строительства. Даже пытались давать советы жене. Они явно были заинтересованы в затягивании сроков ремонта. Иногда мне очень сильно хотелось их придушить. Жена же, как женщина доверчивая, внимательно слушала, ни хуя ни понимая. И, слава Богу, если бы она хоть на секунду повелась на эти идеи новоявленных Растрелли и Ворониных, то наша квартира превратилась бы в подобие юрты. Именно такие очертания должна была принять наша квартира, если следовать жестам туркменского бригадира.

Их бригадир – это отдельный разговор. Жертва ПВО. Сейчас поясню. Дело в том, что ещё в СССР он отслужил в армии. И придя туда, абсолютно не зная русского, приобрёл очень характерный «армейский» диалект. На нём и разговаривал, изрядно наспиговывая свою речь словами своего языка, отчего та превращалась в народный эпос, о чём бы он в этот момент не говорил. Он же был единственным, кто из всей этой шайки умел писать по-русски, правда, своеобразно. Дело в том, что в ПВО таких вот, как он, определяли на очень важный и конкретный пост – наносить оперативные данные на большую стеклянную доску, именуемую «планшет». Вы, наверняка, видели такую в различных фильмах с милитаристическим уклоном. Но есть там один нюанс,

дело в том, что писать на ней нужно, мало того, что справа налево, так ещё и в зеркальном отображении. Так как у обычных людей развивались на этой почве различные мозговые расстройства, то людей, русским письменным не владеющих, сразу учили писать так, как надо, то есть, наоборот. Это было и удобно, и с блеском доказывало, что армейская смекалка до сих пор является важным стратегическим фактором даже в эпоху превентивных ядерных ударов.

Я не знал этого, естественно, но после того, как попросил его написать мне список материалов, необходимых для дальнейшего строительства и, глянув в бумажку, – охуел. Тот, видя, что у меня возникли трудности с пониманием, тут же пришёл на помощь. Кое-как я овладел секретом этой тайнописи, но всё равно осведомился у Вована, в какой школе так учат. Он и раскрыл мне глаза на этот способ обучения личного состава.

– Значит так, дорогой! Зелёного цвета на кухне не будет! Это Света, ворвавшись, как комета в мои мысли, разметала их по кусочкам.

– Жаль, его вроде выбирают гениальные натуры.
– Твои гениальные натуры шагают рука об руку с клинической шизофренией.

– Так уж и с шизофренией?

Собака уныло кивнула мне под столом:

– Теория доктора Ломброзо, – шепнула она.

– Я читала в женском журнале очень полезную статью. Кстати, очень интересный журнал, советую тебе иногда обращать внимание на него. Расширишь кругозор.

– Спасибо, я привык по старинке – телевизор, газеты.

– В средствах массовой информации все статьи куплены.

– А в твоём журнале, что, не куплены? – искренне удивился я.

– Может быть, конечно, и есть там материалы, спонсированные для определённых целей, но не в таком масштабе как на телевидении, я уверена.

– Ну раз ты в этом уверена, тогда, конечно, я – осёл, что предположил подобную чушь. Только вот вчера ты также была уверена, что стены в кухне нужно красить именно зелёной краской!

– Дорогой! Почему ты всегда недоволен? Не будь меня, ты бы так и сидел в своём блевотно-желтом оттенке.

– Я ничего не имею против этого оттенка. Он, между прочим, успокаивает. В этот цвет даже психбольницы красили.

– Оно и видно.

Она бросила сумочку на кресло рядом и ушла в комнату переодеваться. Скоро должна была придти бригада «ух». Я увидел торчащий из сумки журнал. Достал его и пролистал страницы. Журнал открылся на статье «Зелёный цвет – причина мужской импотенции». Я плюнул и засунул его обратно. Надо будет взорвать редакцию к чертям собачьим.

– А что мне делать с зелёной краской? Мы же десять лит-

ров купили, – поинтересовался я.

– Отдай кому-нибудь из знакомых. Лучше тем, кто тебе денег должен.

– Я в долг не даю, друзей не хочу терять.

– Это как это?

– Если дал в долг денег, то отношения портятся. Доказано личным опытом. А у тебя что, в журнале про это статьи ещё не было?

– Не было, значит будет. Они рано или поздно до всего доберутся, надо же чем-то кроме рекламы столько страниц заполнять?

– Надо чем-то мозги таким вот, как ты, заполнять. Если они завтра напишут, что срать в унитаз – это прямая дорога к раку груди. Ты, что, поверишь?

– Они пишут проверенную информацию. Иначе, их же по судам затаскают!

– Кто? Люди, которые, прочитав очередной фуфел, побегут срать в парк под ёлочки? Из сумасшедшего дома иски не принимают.

– Ты во всём ищешь негатив. Это отличительная черта твоего характера! Надо это исправлять!

– Знаешь, в чём главная ошибка супругов? Никогда не надо переделывать друг друга.

– Даже если это пойдёт на пользу?

– На пользу кому? Инициатору перековки?

– Тебе на пользу!

– А откуда ты знаешь, что пойдёт мне на пользу, а что нет?

– Ну, есть определённые нормы, которые должны соблюдаться!

– Я что, по-твоему, не соблюдаю нормы? Я не мою руки после туалета? Или козявки по обеденному столу раскатываю?

– Слава Богу, нет. Но у тебя в доме живут животные. Это потенциальный источник различных глистов и блох!

– Но-но, полегче! Для меня это такие же члены семьи, как и ты!

– Ах, вот как?

– Вот так!

На этом сегодняшние прения по вопросам ремонта были закончены. Скажу по совести, заебал меня этот ремонт!

Утром следующего дня свою лепту внёс электрик.

– У вас же проводка слабая!

– Что значит «слабая»?

– Ну вот, вы техники, я вижу, новой накупили, она же жрёт, дай Бог! Может всё коротнуть, к ебени матери, да и пожар может случиться. Вас мне, конечно, не жалко, а техника – хорошая.

Ещё один юморист нашелся, – подумал я, но электрик мне пришёлся по душе, и вот почему: технику выбирал я. Хорошо, хоть электрик это оценил. А вот Светик, почему-то, не поняла мою тягу к немецкому качеству. На её взгляд корей-

ские агрегаты более подходили по фэншую. Ещё один заёб для домохозяек! Хорошо было нашим предкам! Всё имущество – каменный топор, которым при случае можно было запросто решить проблему брака в свою пользу. К тому же, никакого фэншуя. Да и какой, в пизду, фэншуй в пещере, в которой до этого, не обламываясь, жил саблезубый тигр или пещерный медведь? Я в задумчивости взвесил в руке молоток, поглядывая на супругу. Но скользя взглядом по книжной полке, вовремя прочитал надпись на книжном корешке «Уголовный кодекс». Вспомнил О. Бендера – УК надо чтить... Не, пусть уж будет ремонт.

Электрик продолжал ходить по квартире, высматривая и, что самое главное, находя различные доводы в пользу переделки всей проводки. Естественно, ему хотелось решить проблему в комплексе, чтобы потом его уже не дёргали. Электрик он и в самом деле был не плохой.

– Я лучше всё сам сделаю от начала до конца, зато буду уверен, что всё будет работать как надо.

– А как надо? – восторженно спросила Света, но я ответил за электрика:

– Надо – «заподлицо»!

На следующий день, придя с работы, я увидел в прихожей странного человека. Во-первых, он представился мне как Эдуард, что меня уже насторожило. Во-вторых, он стоял,

поставив ногу на мой любимый стул, так как если бы это был личный барабан Наполеона, а он (Эдуард), соответственно, и был великим корсиканцем. Взгляд его был устремлён ввысь. На всякий случай, я проигнорировал его протянутую руку и вопросительно взглянув на вышедшую встречать меня кошку, изображая одними губами вопрос: «Что это, мол, за хрен с горы?» Но тут же появившаяся Света сразу представила мне гостя по всей форме.

– Это Эдик, наш новый дизайнер.

Почему-то сам Эдик сказать этого мне не мог?

«Эдик – педик», – сразу пронеслось у меня в голове.

– А чем тебе Гена не угодил?

– Твой Гена разве дизайнер?

– Он – толковый и исполнительный человек, который многое может сделать своими руками. К тому же, его Вовка посоветовал.

– Ещё один алкаш, – презрительно отвечала жена.

– Этот «алкаш», между прочим, за Родину кровь проливал, – поправил её я.

Света поджала губы, как бы закрывая этот вопрос.

Я брезгливо покосился на Эдика, даже не пытаюсь представить, что он может делать своими руками. Света тем временем продолжила:

– У твоего Гены нет чувства стиля!

Как и всё сказанное ею, в последнее время я нашёл этот довод нелепым.

– Хорошо, что нового принёс в наш дом товарищ Эдуард?

Говорят, что в присутствии человека говорить о нём в третьем лице – некультурно, но почему-то самого Эдуарда мне спрашивать не хотелось. Сразу у меня к нему антагонизм образовался.

– Он предложил поменять кафель в туалете и ванной на бирюзовый! – восторженно воскликнула Света.

Видимо, это был мощный козырь, являющий всю гениальность нового дизайнера.

– Стоп! Мы ведь уже закончили с ванной и туалетом?

– Да, но вы же видели, что в результате получилось! – откуда-то из-за спины встрял проникновенным шёпотом сам Эдуард. Я аж отпрянул.

– Ну и что там в результате получилось? – откровенно удивляясь, переспросил я.

– Безвкусица! – подвёл черту Эдуард.

Судя по выражению Светиноного лица, я понял, что она разделяет эту точку зрения.

– Давай пройдем в комнату, – попросил я жену.

В комнате на меня с мольбой во взгляде смотрели кошка и собака. Значит, уже в курсе новых веяний.

– Света, где ты откопала этого задрота?

– Это очень модный и популярный дизайнер! И что у тебя за манера оскорблять человека, когда он ещё ничего тебе не сделал?

– Если он мне попытается что-нибудь сделать, я его про-

сто молча угандошу!

– Ты что, не хочешь переделывать ванную и туалет?

– Разумеется, нет!

– Но Эдуард может отказаться! Он делает всё в комплексе, чтоб смотрелось как единое целое, иначе нет гармонии!!!

– Вот и отлично! Пускай отказывается, тем более, что, насколько я понимаю, от объёма ремонта зависит его зарплата, что и является, на самом деле, основным фактором, а вовсе не мифическая «целостность» и «гармония».

Собака незаметно кивала головой, кошка просто с ненавистью смотрела на Свету.

– Ты как был быдлом, так и хочешь им остаться!

Сильный аргумент, но я почему-то не обиделся:

– Иди, Света. И ванную с туалетом не трогай. Считай, что я воспользовался своим правом «вето».

Когда она вышла, животные принялись вполголоса наперебой выражать одобрение моим действиям.

– Кремень! – хвалила собака.

– Молоток! – вторила ей кошка.

– Я вас прошу, не перечисляйте ничего, что имеет отношение к этому сраному ремонту! – взмолился я.

– Как же хочется на всё это дело положить большой, а главное, – человеческий хуй! – подытожила наши общие мысли кошка.

Тем временем, модный Эдуард решил всё-таки остаться,

видимо, чтобы доказать мне, неразумному, что такое настоящая красота. Тут и Гена подъехал.

Белорус был очень расстроен. Недовольство выразилось в неподражаемой мимике его усов. Я и не подозревал до этого, что усами, вообще, возможны какие-либо движения. Решил сразу успокоить его:

– Ген, всё в порядке, ты в теме.

Но всё равно, Гена продолжал недовольно сверкать глазами, усы всячески подчёркивали его отношение к происходящему.

Эдуард недовольно поджал губы. Я с невинной улыбкой воззрился на супругу:

– Подытожим. Геннадий осуществляет командование над бригадой из братской республики и контроль над качеством работ, Эдуард и Светлана доходчиво и внятно объясняют Геннадию, что вы хотите и из каких материалов это должно быть сделано. Я проверяю смету, плачу деньги и, в конечном итоге, моё мнение является решающим в спорных вопросах, если таковые будут появляться. Вопросы есть?

– У меня нет, – окончательно успокоился Геннадий.

– Я не знаю, будет ли жизнеспособна такая сложная иерархическая система, – замямлил Эдик.

– Будет, – заверил его я, подтвердив ответ выразительным взглядом.

Света молча изобразила недовольство, но всё же кивнула головой.

– Ну, тогда вопрос объявляю закрытым. Все свободны.

Я так устал от этой канители, что решил прошвырнуться.

Так получилось, что вышли мы вместе с Геной.

– Геннадий, как насчёт «сбросить нервное напряжение»?

– Да не удобно... – замялся Гена.

– Давай, я приглашаю своего прораба на брифинг. Такая формулировка устраивает?

– Хорошо, только мне завтра с утра к вам надо. «Эти», – Гена дёрнулся как от удара током, – наверняка, придумают что-нибудь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.